

Константин Бабкин: Уважаемые коллеги, добрый день! Сегодня у нас проходит очередное, шестое заседание Совета ТПП по промышленному развитию и повышению конкурентоспособности российской экономики. До сих пор прошли пять больших заседаний, и несмотря на то, что совет наш был образован лишь в апреле, мы провели с вами большую работу.

Сегодня мы завершаем первый этап работы нашего совета, который состоял в том, что мы разработали принципы стратегии экономического развития российской экономики. Следующий этап у нас будет – популяризация этой стратегии, доведение ее до окончательного вида. И третий этап, более длительный будет состоять в том, что на основе этой стратегии мы будем выносить рекомендации по различным экономическим вопросам, по внешней торговой политике, по налаживанию процессов в производстве и по всем другим вопросам, которые могут касаться экономики.

В преддверии третьего этапа мы создали три рабочих группы по вопросам формирования внутренних рынков сбыта продукции, по развитию промышленной кооперации, производственного инжиниринга, по приоритетным проектам развития промышленности и агропромышленного комплекса. На подходе еще четыре группы по конкретным направлениям. Я думаю, что уже со следующего заседания эти рабочие группы начнут свою работу в постоянном режиме.

Сегодня мы подводим итоги первого этапа, который состоит в разработке принципов стратегии экономического роста. Эта тема, этот вопрос витает в воздухе. Вопрос смены экономического курса назрел. Нас всех, и не только нас здесь присутствующих, но и большинство людей в нашей стране беспокоят противоречия между огромным потенциалом, который существует в нашей стране, у которой есть все для динамичного развития, и тем, что этого развития не происходит. То есть разрыв между потенциалом и действительностью.

В апреле ТПП в нашем с вами лице включилась в разработку этой стратегии, в эту работу. Сегодня мы проводим промежуточный итог. Очень рад, что наше заседание сегодня пользуется большим интересом. Тут разработчики других вариантов стратегии, с которыми мы во многом согласны, в чем-то есть различия.

[00:05:04]

Я отдельно приветствую Сергея Юрьевича Глазьева, Бориса Юрьевича Титова. Владимир Владимирович Гутенев, который представляет Союз машиностроителей России, который тоже включился в работу по разработке этой стратегии. И отдельно хочу

поприветствовать... Это очень большая цифра. На наше мероприятие зарегистрировались руководители 47 отраслевых союзов и ассоциаций. Ваш интерес, ваше присутствие и ваше сотрудничество особенно важно. Это значит, что наша работа действительно очень нужна, и идейное наполнение экономической стратегии интересует реальных людей реального дела. Конечно, мы в ТПП открыты для сотрудничества. Сегодня это только промежуточный этап, и работу мы с вами все вместе готовы продолжать и будем продолжать.

Сегодня я хочу предъявить принципы стратегии. Это лишь основа, скелет для дальнейшей работы. Повторюсь: мы открыты для сотрудничества. Сейчас я перейду к изложению наших наработок. Пожалуйста, включите презентацию.

Главный посыл нашей стратегии или сверхцель наших предложений экономической политики состоит в том, чтобы реализовать потенциал народа, чтобы народ осваивал пространство, которое досталось России в наследство, и все это развитие происходило на основе частной инициативы при активной роли государства. Стержнем вот этого развития, стержнем всей политики мы предлагаем сделать именно развитие несырьевого сектора, то есть провести, взять девизом проведение новой индустриализации.

Основная проблема, которая сегодня мешает развитию нашей страны, состоит в том, что сегодня производить в России невыгодно. В сравнении со многими другими странами при анализе экономических условий мы видим, что Россия проигрывает в конкурентной гонке многим и развивающимся, и развитым странам современного мира.

Основная идея состоит в том, чтобы сделать инвестиции в России выгодными и занятие производством в России рентабельным. Для этого мы предлагаем совершить три с половиной поворота – я употребил где-то в интервью такой образ – но в принципе, я действительно думаю, что нам нужно совершить маневр по трем основным направлениям и отдельно выделить четвертую вещь.

Сейчас я скажу, в чем эти три с половиной поворота состоят. Первое: нужно изменить принципы внешнеторговой деятельности, нашей внешнеторговой политики, изменить принципы налоговой политики и усовершенствовать денежно-кредитную политику. Кроме того, нам нужно изменить политику в области ценообразования на сырьевые ресурсы, то есть сделать так называемый обратный налоговый маневр, который приведет к тому, что энергоносители в России подешевеют на 40 %.

Это половина маневра, потому что основа его заключена и во внешнеторговой деятельности, и в изменении налоговой политики. Тем не менее вот этот обратный налоговый маневр я хотел бы выделить в отдельную статью.

Про внешнеторговую политику. Давайте кратко объясню, что мы предлагаем. Напоминаю, приоритет всех этих маневров или изменений – это развитие внутреннего производства. И внешняя торговая политика тоже имеет целью вот эту вещь, этот принцип. К счастью, история России богата, культура России богата. У нас есть великий предшественник, Дмитрий Иванович Менделеев, который прекрасно разработал теорию разумного протекционизма. Внедрение этих принципов более 100 лет назад привело к серьезному экономическому и промышленному росту. За 10 лет промышленное производство в конце IX века в России удвоилось после применения вот этих принципов Дмитрия Ивановича.

[00:10:07]

В чем состоят принципы разумного протекционизма? Мы предлагаем защищать те отрасли, производителей тех товаров, которые сегодня живы. То есть если кто-то занимается производством конкретного товара, если он выжил при супердорогих кредитах, при высоких налогах, при отсутствии защиты рынка, значит, он тем самым доказал свою очень высокую конкурентоспособность. Мы должны обеспечить таким производителям защиту и обеспечить им равные условия конкуренции.

На левой части диаграммы мы показали, что нужно отделить живых на момент начала реформ производителей от тех секторов, где уже не сохранилось производителей. Где не сохранилось, значит, те сегменты рынка нам надо открыть. Для тех, кто сегодня жив, мы должны выстроить такую степень внешнеторговой защиты, которая бы выровняла условия конкуренции между нашими производителями и зарубежными.

На правой части диаграммы показано, что высота этой защиты постепенно будет снижаться. После того, как мы будем налаживать работу ЦБ, и финансы станут более доступными для наших производителей, после того, как мы сделаем обратный налоговый маневр, и ресурсы подешевеют, мы выстроим более разумную налоговую систему, и тем самым в целом конкурентоспособность в юрисдикции России улучшится.

Поэтому мы постепенно будем снижать высоту этого заборчика, и наши производители будут становиться сильнее. Мы, кстати, на заседаниях нашего совета уже сталкивались при обсуждении конкретных внешнеторговых вопросов. Это касалось и производителей аккумуляторных батарей, которые спорили с производителями свинца. Производители полиэтиленовой тары спорили с производителями термопластавтоматов. Одни хотели поднять пошлины на тот или иной товар, другие хотели снизить.

Мы предлагаем в качестве универсального принципа использовать принцип, что пошлина должна быть настолько высокой, чтобы выравнивать условия конкуренции между

зарубежным производителем и российским, и таким образом примирять интересы различных производителей в разных степенях передела. Никто не должен требовать подавлять поставщиков комплектующих для своего производства, требовать ставить таких поставщиков в условия неравной конкуренции. На самом деле на первом этапе это выглядит выгодно для потребителей этих комплектующих, но в принципе, это подрывает их долгосрочную конкурентоспособность. Поэтому мы предлагаем применять такой универсальный принцип во внешнеторговой деятельности. Не мы, а Дмитрий Иванович Менделеев.

Коснусь членства в ВТО. Кто-то считает, что ВТО – это святая организация, нельзя нарушать те условия, на которых Россия вошла в эту организацию. Но в принципе, все согласны, что надо обходить условия, которые были навязаны России. Мы предлагаем использовать следующий принцип. Главное – это развитие реального сектора. Это приоритет перед любыми внешнеторговыми соглашениями.

В отношении ВТО мы предлагаем защищать наших производителей, вести политику, которая нацелена на развитие, опираясь на действующие механизмы ВТО. Если это не получается, стараться реформировать эту организацию. Если это не получается, то выходить из этой организации.

По этим принципам собирается действовать и вновь избранный президент США. Нам нужно поддерживать экспортеров на внешнем рынке. Тут должен использоваться тот же самый принцип – равные условия конкуренции. Мы видим, что конкуренция на внешних рынках сегодня вопиюще не равна. Другие страны используют гигантские объемы прямой государственной поддержки. Россия проигрывает конкурентную гонку из-за того, что у нас дорогие деньги, и мы не можем предлагать конкурентоспособные связанные кредиты.

[00:15:05]

Здесь резюме по внешнеторговой политике. Я хочу еще раз обратить внимание на второй пункт. Я предлагаю обязательно исходить из предпосылки, что все существующие на момент начала реформ или разумной политики несырьевые производства являются конкурентоспособными. Они доказали свою жизнеспособность и поэтому достойны поддержки и защиты.

Теперь налоговая политика. Опять тот же самый приоритет – развитие внутреннего производства. У современной налоговой политики такого приоритета мы не просматриваем. Там приоритет один: собрать как можно больше денег, чтобы экономика издавала как можно меньше писка. Это, наверное, разумный приоритет. Но проблема

состоит в том, что современная налоговая система не стимулирует развитие, не стимулирует инвестиции, не стимулирует развитие производства.

Вот здесь показано, что по размеру налоговых изъятий Россия опережает многие другие современные страны. Предложение состоит в том, чтобы снизить налоги, при этом так, чтобы придать налоговой системе стимулирующую функцию. То есть она должна побуждать людей не потреблять иностранные товары и предметы роскоши, а вкладывать в развитие предприятий.

Первое: нужно вернуть инвестльготу, которая была введена правительством Примакова, действовала с 1999 по 2002 год, и была отменена правительством Кудрина. Такая инвестльгота, которая уменьшает налогообложение затрат в развитие предприятий. Такая инвестльгота существует во всех известных, знакомых нам экономиках мира. Это очень эффективная мера.

Обратный налоговый маневр. Уже кратко сказал, но еще раз обращаю внимание. Правительство в последние годы проводит так называемый прямой налоговый маневр, то есть повышает НДС, акцизы на производство топлива и нефтепродуктов, тем самым повышая их цены на внутреннем рынке, и постепенно снижает пошлины на вывоз необработанного сырья, стимулируя вывоз во все больших объемах этого самого сырья.

Мы предлагаем действовать с точностью до наоборот. Отменить акцизы НДС, сделав ресурсы дешевыми, и повысить вместо этого экспортные пошлины. Это повысит конкурентоспособность нашей экономики. Маркированные целевые налоги и платежи – это вообще устаревшая мера, как когда-то в феодальной экономике налог на соль шел на содержание армии, таможенные платежи шли на содержание двора. Это все устаревшие вещи.

Мы предлагаем отделить процесс сбора налогов от процесса траты бюджета. Если мы отменим эту маркировку, она сделает мышление чище. На самом деле мы все это знаем. Сейчас обложение доходов физических лиц носит регрессивный характер, то есть богатые платят в процентном отношении меньше доходов, чем бедные. Это не только подрывает доверие к налоговой системе в народе – ее воспринимают как несправедливую – но и подрывает конкурентоспособность нашей экономики, потому что на обрабатывающих предприятиях, на предприятиях несырьевого сектора зарплаты в основном не высокие.

Если мы сделаем налоги меньше для невысоких зарплат, тем самым мы сделаем подарок для обрабатывающих секторов экономики. Такое изменение налоговой системы не только будет более справедливым, но и экономически выгодным для новой индустриализации.

По нашим оценкам упрощение системы отчетности позволит высвободить, может быть, даже 700 тыс. человек. Сейчас правительство не занимается этим вопросом.

[00:20:05]

И такой принцип: в последнее десятилетие налоги у нас не снижались. Почему-то при профиците бюджета обязательно использовалось такое слово – стерилизация доходов. Деньги выводятся и выводились за рубеж или тратились на имиджевые проекты. Если страна столкнется с профицитом бюджета, нужно снижать налоги. Ввести в оборот такой удивительный маневр, о котором мы забыли. И оставлять побольше денег в региональных бюджетах. То, что они все сегодня являются дотационными, неправильно и не способствует нормальному развитию регионов.

Денежно-кредитная политика. Тут показано, что проблемы рождает современная политика. Сегодня наша экономика недокредитована. Объем кредитования в России радикально ниже, чем во многих других странах. Высокие процентные ставки препятствуют развитию промышленности. Мы видим, что например, в Бразилии, более высокая ключевая ставка. Это единственная страна из крупных, где более высокая ставка, чем в России. Но мы видим, что тем самым Бразилия добилась еще более серьезного спада в своей промышленности, чем добились мы с вами. То есть там 11 % спада по сравнению с 3,2 % в России. Я думаю, это не тот пример, на который надо ориентироваться. Нужно радикально снижать ключевую ставку мира, как это делают многие развитые и развивающиеся страны, и достигают успехов.

Здесь еще раз обращается внимание, что от современной экономической политики ЦБ страдает не только малый бизнес, но особенно страдает наше сельское хозяйство. В частности половина бюджета Минсельхоза – огромная цифра – идет не столько на поддержку аграриев, а опосредованно идет на поддержку банков. То есть половина бюджета Минсельхоза идет на выплату субсидий по процентным ставкам. То есть фактически из-за политики ЦБ сельское хозяйство на самом деле пользуется еще меньшей поддержкой, чем мы с вами думаем.

Здесь показано, что снизить ключевую ставку – это один вопрос, но необходимо вернуть ЗВР. Сегодня Россия накопила слишком высокие ЗВР, необъяснимо высокие. И принцип, которым многие страны руководствуются – объем ЗВР должен рассчитываться по критерию Редди, то есть сумма ЗВР должна быть равна сумме трехмесячного импорта плюс годовое обслуживание внешнего долга.

Таким образом, если мы этот принцип будем применять, то мы сможем вернуть 250 млрд долларов из-за рубежа в нашу страну. Это первый резерв. И второй: конечно, нужно делать эмиссию. В России денег в пересчете на ВВП в разы меньше, чем в Китае и в абсолютном большинстве экономик мира. То есть нужно вести более мягкую кредитную политику и вернуть ЗВР и Стабфонд в нашу страну, и заставить их работать не на другие страны, а на нашу экономику. Нужно завязывать с сокращением количества банков. Нужно прекратить терроризировать банковскую систему таким спорадическим отзывом лицензий и ликвидацией бизнесов в промышленных объемах.

Отдельной статьей у нас в стратегии идет АПК. Сейчас я эту статью пропущу. Но в целом ее содержание состоит в том, что мы применили принципы, мы просчитали, как эти три темы будут работать в применении к АПК. Мы увидели, что если совершить эти три с половиной маневра, то мы увидим, что например, в растениеводстве мы в четыре раза можем увеличить объемы производства и сбыт.

[00:24:57]

Потенциал роста доходов АПК может быть увеличен почти в 20 раз. Мы увидели, что если развивать и количественные объемы производства в сельском хозяйстве, и переработку, то есть потенциал для наших аграриев. Это крайне важный сектор не только для экономики, потенциал огромен для всей жизни нашей страны, если будут применяться вот эти принципы.

И в заключение. Сейчас нам пророчат 20 лет стагнации. Говорят, что мы живем в новой нормальности и ничего изменить нельзя. Это все неправда. Потенциал России огромен. И Россия может выйти на темпы роста, которые будут измеряться двузначными цифрами, и этот рост продлится не одно десятилетие. Примеры в истории мы знаем, примеры такого периода роста мы наблюдаем во многих странах и сейчас. В первую очередь в Азии, но не только.

Здесь мы посчитали, как применение вот этих принципов или развитие несырьевых секторов отразится в разных аспектах жизни нашего общества. Прогресс можно ждать очень серьезный. В частности я обращаю ваше внимание на нижнюю часть. Если люди увидят перспективу, если почувствуют возможность зарабатывать в России, увидят возможность проявлять свои таланты в России, не только для себя, но и для своих детей, то мы решим не только частные проблемы. Мы повысим занятость, поднимем уровень жизни нашего общества. И рост рождаемости мы тоже поднимем.

По нашим оценкам до 2030 года население России увеличится на 32 млн. Но это не большая цифра. Если опять же возвращаться в Дмитрию Ивановичу Менделееву, он считал, что в 2026 году – то есть вот уже через 10 лет – в России будет проживать 1,2 млрд человек.

Этот прогноз не сбился, но мы можем постараться, по крайней мере, переломить тенденцию и вложить свой вклад в это дело. Кстати, в то время, когда Менделеев писал свой прогноз, каждую минуту дня и ночи в России рождалось на четыре человека больше, чем умирало. То есть население России прирастало темпом более двух процентов в год. В принципе, что нам мешает повторить вот эти темпы, ту активность, с которой жили наши не столь далекие предки?

Хочу завершить свое выступление цитатой Евгения Максимовича Примакова, который был разумным, взвешенным человеком: «Даже при худшем сценарии выход России из тяжелой экономической полосы произойдет в течение не более двух лет». Евгений Максимович видел большую перспективу достаточно быстро выйти из ямы. Я думаю, что он человек мудрый, можно ему верить.

Спасибо за внимание! Я хочу сразу ответить на возможную критику. Говорят, что мы предлагаем либо изолировать страну – вот этот протекционизм – либо говорят, что уже производить-то нечего, нечего защищать. То есть бросаются из крайности в крайность. Разумный протекционизм должен исходить из расчета и анализа реалий.

Говорят, что будет инфляция. Но я тоже не считаю, что это серьезная претензия к нашей стратегии, к нашим предложениям. И вообще, борьба с инфляцией – это абсолютно ложные ориентиры экономической политики. Тем более что правительство борется с инфляцией неправильными методами. Одновременно и повышает налоги, которые рождают удорожание товаров, и рождает инфляцию. И тут же с помощью задиранья кредитных ставок вроде как борется с инфляцией.

Но опять же этот метод может только увеличить инфляцию. Поэтому борьба с инфляцией может состояться лишь через развитие реального сектора экономики. Это принципы, это база, это платформа для дальнейшего сотрудничества, для обмена идеями. Такая у нас наработка. Спасибо вам за внимание, за ваше участие, за ваши советы, которые вы нам оказывали в процессе написания этой работы!

[00:30:00]

Я думаю, что все вместе мы, если будем сотрудничать, то победим, и другого пути у нас с вами нет. Спасибо за внимание!

Хочу предоставить слово Дмитрию Николаевичу Курочкину, вице-президенту ТПП РФ.

Дмитрий Курочкин: Спасибо, Константин Анатольевич! Добрый день, уважаемые друзья, коллеги! Прежде всего, хотел бы поприветствовать вас от имени ТПП РФ, где мы работаем. Когда мы создавали в апреле нынешнего года нынешний совет по промышленному развитию, как раз исходили из того, что это будет единая, наиболее авторитетная площадка, которая бы объединяла наиболее квалифицированных и опытных экспертов в области промышленного развития, повышения конкурентоспособности нашей экономики, для того чтобы достичь синергетического эффекта.

Уже тогда мы предполагали, что к концу года мы выйдем на какие-то промежуточные итоги работы в части разработки принципов стратегии развития страны. Я думаю, что все сидящие в этом зале обратили внимание на слова президента Путина в недавнем послании Федеральному Собранию, где он поручил правительству с участием ведущих деловых объединений не позднее мая будущего года разработать предметный план действий, рассчитанный до 2025 года. Смысл этого плана в том, чтобы выйти на темпы экономического роста выше мировых. Это принципиально важная установка.

И как раз в этом направлении совет и работал все последние месяцы, о чем Константин Анатольевич только что сказал. Каждое заседание совета приближало подготовку той концепции, тех принципов, о которых мы будем говорить сегодня. Мне со своей стороны хотелось бы напомнить, что нам предстоит еще достаточно большая работа по доработке этих принципов. Мы внимательно будем прислушиваться к каждому экспертному мнению.

Безусловно, о деталях можно спорить бесконечно. Но уж коли мы обсуждаем принципы, то нам, конечно, очень важно определиться, насколько верны те принципы, которые выносятся на ваше обсуждение. Мы договорились, что в ближайшие месяцы будем совместно обсуждать эти принципы в регионах России с нашими отраслевыми объединениями. Очень надеюсь на ваше заинтересованное участие. Спасибо за внимание!

Константин Бабкин: Спасибо, Дмитрий Николаевич! Глазьев Сергей Юрьевич, академик РАН.

Сергей Глазьев: Спасибо, Константин Анатольевич! Прежде всего, хочу поблагодарить вас за ту подвижническую деятельность, которую вы ведете, представляя интересы промышленников в конкурентоспособной части нашей промышленности. Отталкиваясь от вашей мысли насчет того, что же нам мешает жить по заветам Менделеева, я скажу, что прежде всего, мешает неверие в свои силы. То, что нам предлагает правительство, от 0 % до 2 %,

это если ничего не делать, и если не сильно будет ухудшаться внешняя конъюнктура, наверное, так можно по инерции жить довольно долго.

Прогрессивно мыслящие экономисты считают, что темпы роста вполне могут быть 4 %, если просто создать нормальные условия для развития производительных сил и производственного сектора, прежде всего. Оптимисты, которые основываются на теории долгосрочного технико-экономического развития и ратуют за стратегическое планирование, указывают на возможность вытянуть темпы роста до 10 % в год.

Действительно, можно согласиться с Евгением Максимовичем Примаковым. Он доказал на практике, что переход к экономическому росту возможен за полгода, но за 2 года уж точно возможен. В этой связи та стратегия, которая предлагается, очень важный и серьезный шаг в направлении формирования ориентиров возможностей развития нашей экономики.

Мне особенно нравится первая мысль, которая здесь присутствует, что меры поддержки должны способствовать выравниванию конкурентных условий отечественных и мировых производителей. Нам стыдно это признать, но в большинстве отраслей высокотехнологического сектора у импортеров льготные условия по сравнению с нашими товаропроизводителями.

[00:35:05]

Возьмите авиапром. За счет льгот по НДС иностранные товаропроизводители косвенно, через субсидирование импорта, за счет отмены НДС и за счет того, что наши госбанки вложились в лизинг иностранных самолетов, по сути, за счет российского государства получили субсидию. По нашим оценкам за последние 5 – 7 лет мы субсидировали – порядка 5 млрд долларов – ввоз иностранной авиатехники. Сколько можно было произвести наших самолетов, которые вполне конкурентоспособны при выравнивании условий конкуренции.

В этих принципах говорится о том, что центральную роль в политике государства должны занять обрабатывающие сектора промышленности. Я бы добавил, что центральную роль в современном экономическом росте, ключевую роль играет научно-технический прогресс, как повышение эффективности, конкурентоспособности и обеспечение роста производства, так и снижение инфляции. Поэтому мы должны обязательно в рамках этой стратегии предусмотреть меры по стимулированию инновационной активности и научно-технического прогресса, по которым наша страна сегодня очень существенно отстает и в объемах, и в институтах развития.

Теперь хочу высказать несколько соображений по тем тезисам, которые мне представляются наиболее сложными. В части налоговой политики сразу скажу, что мне кажется, что очень хорошо проработан раздел, и можно его брать сегодня за основу для того, чтобы выходить с законодательными инициативами, пользуясь предложением президента более активно деловым кругам представлять свои интересы в органы власти, начиная с Госдумы обсуждать обратный налоговый маневр. Абсолютно правильная постановка и достаточно полно проработанная.

Для первого этапа, мне кажется, вполне достаточно. Можно к этому добавить еще расширение. Допустим, увеличение льготного налогообложения по инвестиционной активности, то есть ускоренная амортизация и повышение амортизационных отчислений за счет перехода к прогрессивной шкале подоходного налога. Мы сегодня основную тяжесть налогов делаем на производственный сектор, в то время как в других странах все-таки наиболее богатые слои населения – главные налогоплательщики.

И я бы добавил налог Тобина, поскольку у нас сегодня главным центром деловой активности и извлечения доходов стала московская биржа. Там объем операций вырос более чем в 6 раз, и зашкаливает сегодня уже за 150 трлн рублей в квартал. Эти бесконечные роботы-манипуляторы, которые разгоняют наш курс рубля туда назад, вполне могут быть облажены налогом, что по моим оценкам, дало бы бюджету 3 трлн дополнительных доходов без всякого ущерба для экономической активности.

По внешнеторговой политике. Я хотел обратить внимание на то, что согласно нашим международным обязательствам мы не сильно можем разогнаться в области таможенного тарифа. Сегодня роль таможенного тарифа в мировой экономике не столь велика, как была раньше. Гораздо большее значение имеет денежно-кредитная политика и политика валютного регулирования.

Изменение таможенного тарифа играет маргинальную роль по сравнению с колебаниями валютного курса. Сегодня считается нормой хорошего тона – выполнять правила ВТО. Но надо понимать, что ВТО не распространяется на кредитную политику. Поэтому все страны сегодня, формально соблюдая нормы ВТО, активно поддерживают своего товаропроизводителя за счет мер денежно-кредитной политики.

Более того появилось новое понятие – денежно-промышленная политика, отражением которой являются отрицательные процентные ставки, субсидирование кредитов производственным предприятиям, количественное смягчение, то есть увеличение предложения денег. Я здесь с Константином Анатольевичем согласен.

Хочу обратить внимание на некоторые нюансы. Действительно, исходя из теории денег, мы должны понимать, что для экономики всегда существует некое оптимальное количество денег, обеспечивающее расширенное воспроизводство. И мы должны понимать роль кредита как механизма авансирования экономического роста и роль процентных ставок, который Шумпетер назвал налогом на инновации. Сегодня все страны мира работают с фиатными деньгами, потому что деньги – это не товар, как думают монетаристы, это инструмент, прежде всего, кредитной поддержки экономического развития. Классик денежного предложения Тобин говорил о том, что главная функция ЦБ должна быть в создании условий для подъема инвестиционной активности. Кейнс говорил, что если у вас есть свободные мощности, нужно увеличивать предложение денег. Всё это так. Мы сегодня недомонетизированы, нам нужно расширять денежное предложение, но ключевой вопрос – как? Через какие инструменты это делать? Если просто снизить процентную ставку до единицы и наращивать кредиты, то мы должны вспомнить опыт 2008 года, когда 2 трлн рублей, выделенных на поддержку банков, ушли на валютный рынок. Симметрично мы наращивали рефинансирование коммерческих банков – они наращивали валютные активы.

То же самое произошло в 2014 году. Поэтому очень важно обеспечить целевое использование кредитных ресурсов. Да, низкие процентные ставки, но при целевом использовании кредитных ресурсов. И валютный контроль нам необходим избирательный прежде всего против спекулятивных атак. Мы должны не обременять наших экспортеров избыточным контролем, но должны защищать наш валютный рынок от спекулятивных атак с последствиями которых мы потом целые годы пытаемся разобраться. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Обязательно учтем ваши дополнения. Кстати, вы говорите – вы денежно-кредитная политика. Иногда она лучше работает, чем таможенные пошлины. Абсолютно согласен, но возвращаюсь к Дмитрию Ивановичу Менделееву, который говорит, что протекционизм – это комплексная вещь. Если с помощью денежно-кредитной политики мы улучшим нашу конкурентоспособность, то и пошлины не нужны будут. Это всё не противоречит, а дополняет друг друга.

Титов Борис Юрьевич, уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей.

Борис Титов: Спасибо. Хотел бы как Сергей Юрьевич в первых строках поблагодарить за большую работу, которую и ТПП, и вы, Константин Анатольевич, делаете в этой макроэкономической сфере поддержки выработки стратегии российской экономики. Действительно очень много, и самое главное, что мы вместе выступаем за необходимость

смены экономической политики от той политики сдерживающей финансовой консолидации, которая сегодня продолжает проводиться последние 25-30 лет к политике активного стимулирования развития производства, активной экономической политике государства, которая была бы направлена на развитие, на рост во всех аспектах этой политики, и денежно-кредитной, и налоговой, и вопросов регулирования внешней торговли – во всех аспектах.

Конечно, мы в целом направление поддерживаем, но есть некоторые нюансы. Мы здесь с Сергеем Юрьевичем должны согласиться, что протекционизм – это эпоха 60-70-х, которая доказала, что иногда введение пошлин дает свой отрицательный результат. Живя в теплом болоте внешних барьеров часто происходит резкое понижение эффективности, конкурентоспособности товаров. И конечно, здесь если мы вводим какие-то действительно компенсирующие их поддержку наши меры, то мы должны четко прописывать в динамике их снижение. Мы сразу должны понимать, что эти меры могут быть только временными, и мы должны выходить на уровни производства по количеству и по качеству с тем, чтобы быть конкурентоспособными. Только те страны могут считаться экономически развитыми, которые могут свободно конкурировать в свободной конкуренции на международных рынках. И это главная цель любого развития нашей экономики.

Особенно надо осторожно относиться к средствам производства, потому что закупая их или увеличивая пошлины, мы увеличиваем себестоимость нашей модернизации. К сожалению, на сегодняшний день у нас очень мало ещё возможностей для обеспечения собственными станками, машиностроительной продукцией, транспортными средствами, сельхозмашиностроением – здесь мы сделали прорыв, но в других отраслях пока не очень. И поэтому здесь надо относиться очень осторожно к этому вопросу.

Конечно, лучше использовать другие методы – налоговой или денежно-кредитной политики.

Что касается налоговых мер, в основном поддерживаю, но я допускаю, что мы в своем документе Столыпинского клуба, который готовит свои материалы, и в ближайшее время мы тоже выйдем с основными принципами, хотя готовим сейчас уже временные документы, первоочередные меры изменения мы дали. Только сегодня я презентовал наше предложение в бюджет, как из бюджета стагнации сделать бюджет развития. К сожалению, опять не был услышан Силуановым, причем абсолютно необоснованные ответы: вопрос об одной сфере, а ответ совершенно в другой.

[00:45:13]

Тем не менее, меры ДКП тоже очень важны.

По налоговой. Не обратный налоговый маневр, а сегодня действительно нужно стимулировать то, чтобы на внутреннем рынке цены на нефть и другие сырьевые товары были ниже, было бы выгоднее поставлять на внутренний рынок, чем на внешний. Самый простой способ из всех исследований, что мы провели, это частичный возврат НДС или полный отказ от возврата НДС. Вводить экспортные пошлины противоречит напрямую ВТО, где четко написана динамика экспортных пошлин, вообще они против экспортных пошлин, но они согласились при уменьшении в дальнейшем наших экспортных пошлин. Поэтому если мы не хотим ссориться, то очень хороший способ – частичный или полный отказ от возврата НДС при экспорте сырьевых товаров.

Основные принципы налоговой политики, конечно, прежде всего стимулировать новое, то, чего ещё нет. Должны понимать, что они могут платить, когда они появятся, меньше, чем сегодняшнее производство. И те производства, которые есть сегодня, если будут модернизироваться, будут платить меньше налогов. Это основной принцип.

Второй основной принцип, который мы считаем очень важным, что налоги на производство должны быть меньше, чем налоги на потребление. Вы говорите о прогрессивной шкале по НДФЛ – конечно, к ней надо переходить постепенно, но при этом тоже очень осторожно, и налоги на потребление должны быть больше, выгоднее должно быть вложить в дальнейшее производство, в создание рабочих мест, а не вывести деньги из оборота и направить на потребление.

По ДКП, конечно, мы видим огромный потенциал. И то, что сегодня правительство просто зажало эту тему, и сегодняшний бюджет, который был предложен, в номинальном выражении это снижение на 625 млрд затрат, но на самом деле, если смотреть в постоянных ценах, это снижение затрат бюджета на 12%. Результат – эти средства не будут потрачены, это давление на доходы населения прежде всего, это снижение темпов роста, это снижение доходов того же бюджета. Если смотреть на влияние на ВВП, по расчётам Института народно-хозяйственного прогнозирования минус 2,4 трлн рублей от ВВП, то есть 2,8%, если мы оставим расходы на этом уровне.

Хотел бы напомнить, что сегодня объем ВВП всего на 5% превышает объем ВВП 90-го года, а уровень инвестиций – 58% от уровня инвестиций 90-го года.

Затраты на вооружение сегодня планируются в 2020 году – 70,9, а у китайцев – 324 трлн. Мы говорим об обороноспособности нашей страны.

Мы предложили сегодня повысить дефицит. На мой вопрос Силуанову, почему мы должны держать 1% дефицит бюджета как какой-то фетиш, ответа не поступило. Мы предложили 3,4 держать минус, при этом никакого дисбаланса не будет, и только даже внешняя задолженность вырастет всего на 2%, вообще задолженность бюджета планирует 9%, а будет всего 11%.

Хочу сказать, что по средствам, которые мы предлагаем, мы очень похожи. Мы видим их не только в денежно-кредитной, налоговой или внешней торговой политике, мы видим это в реализации специальных институтов. Это прежде всего институты поддержки спроса, есть три вида направлений стимулирования спроса, ограничения тарифов инфраструктурных монополий – вы сказали, но не объяснили, в чем ещё эта половинка. Вы сказали, что три плюс шага, а половинка тарифа, но вы о них не сказали.

Финансирование специальных институтов развития, ну и снижение по ключевой ставке. Расчет по ключевой ставке, который сделали для нас, говорит о том, что на базе той статистики, которую мы проработали, учитывая международный опыт развивающихся стран и тенденций в нашей экономике 2008-2009 года, эластичность кредитной массы к ставке кредита составляет около 0,9%. Если на 1% снижается ставка от сегодняшней, то кредитная масса растет на 0,9%. Если Голикова сегодня говорила, что нужно 4 трлн инвестиционных ресурсов, чтобы вышла в рост экономика, и если мы ставку сделаем 7,2%, то по этим расчетам, исходя из этой тенденции, у нас будет 10 трлн свободных кредитных ресурсов в экономике. А если мы ставку сделаем 8,5%, то будет 5 трлн. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Думаю, по невозврату или частичному возврату НДС мы с вами договоримся, это есть у нас в более обширной версии стратегии. Правильное замечание.

В отношении того, что пошлины постепенно надо снижать – да, если будет становиться более разумная экономическая политика, то мы будем снижать, исходя из принципа равной конкуренции, но если европейцы будут дотировать свое сельское хозяйство в огромных объемах, что они собирают делать ещё десятилетия, то мы не сможем приносить в жертву наших аграриев, и пошлины объективно будут действовать ещё долго, выравнивая условия конкуренции.

Борис Титов: С этим согласен.

Константин Бабкин: В процессе дискуссии будем шлифовать наши документы. Гутенев Владимир Владимирович, депутат Госдумы, первый зампред Комитета по промышленности.

Владимир Гутенев: Спасибо. Комитета по промышленности нет, не знаю, к счастью или к сожалению, комитет объединен с комитетом по экономической политике, предпринимательству и инновациям, и именно в качестве первого зама этого комитета, а также представителя Союза машиностроителей, я хотел бы обсудить принципы стратегии, но не могу не затронуть хотя бы в двух словах контекст экономических, внешнеполитических условий, в которых мы вынуждены существовать.

Мы видим деградацию международного права. Иллюзия относительно ВТО рассеяна. Мы понимаем, что необходимые меры протекционизма – это не защита только лишь внутреннего рынка, это поддержка наших экспортеров, это создание благоприятных финансово-экономических условий для развития национальной экономики.

И конечно, необходимо использовать окно возможностей, которое мы получили благодаря невысокому курсу рубля, благодаря кампании и программе импортозамещения.

Все эти установки достаточно четко артикулировал президент в послании Федеральному Собранию. Речь шла о высокотехнологичной промышленности, о его ядре – это оборонно-промышленный комплекс, – сельском хозяйстве, сельхозмашиностроении, и в первую очередь это человеческий капитал.

Что от радно, что наша экономика готова к росту. Мы видим, как она эластично отзывается на меры стимулирования. Достаточно было увидеть субсидии машиностроению, и мы увидели рост. Мы видим, как растет фарма – двузначные цифры. Мы видим, как идет импортозамещение в электроннокомпонентной базе, в авиадвигателестроении, в целом ряде других направлений, причем существует определенная мобильность вариации этих мер поддержки. В результате снижения потребительского спроса значительно сократился спрос на легковые автомобили, но такие меры поддержки как полное 100% субсидирование сертификации за рубежом нашего автотранспорта, компенсация до 80% логистических затрат при экспорте нашего автотранспорта даёт возможности, которые, мы видим, сейчас приводят к определенному росту. В первую очередь это сегмент грузовых автомобилей, но и в легковых автомобилях мы увидели, что по этому кварталу уже плюс один. Я думаю, что первый квартал 2017 года мы выйдем в легковом транспорте плюс 12-15.

Кроме того хотел бы отметить такой важный инструмент, который должен заработать, это СПИК, специальные инвестиционные контракты, ускоренная амортизация, о чем неоднократно на этой площадке говорили. И именно в этой парадигме разрабатывались принципы стратегии, которые мы сегодня обсуждаем. Среди них есть дискуссионные, может быть, и то, что вряд ли главным приоритетом политики является новая

индустриализация. Новые технологические уклады могут опираться на индустриализацию производства, но не вполне с этим согласен.

[00:55:28]

Что касается обратного налогового маневра, повысить экспортные пошлины на газ, нефть и прочее необработанное сырье, наверное, проще это по возврату НДС корректировать и мы должны всё-таки честно смотреть на пункт 4.2, который мы увидели, агропромышленная политика, где наоборот для сельскохозяйственной продукции необходимо отказаться от экспортных пошлин. Но Константин Анатольевич, мы же не говорим, что давайте мы откажемся от экспортных пошлин только по переработанному зерну. Давайте по макаронам пошлин не будет, а в зерне, допустим будет. Здесь необходимо проводить определенные параллели.

Что касается обеспечения реального сектора доступным кредитованием, мне кажется, что вести речь об 1% – это хотелось бы, а ещё лучше отрицательный процент, но для начала надо снижать ставку рефинансирования ЦБ до 3-4%, и ограничить аппетиты банков, маржинальную наценку в 1,5%, максимум 2%. В этих условиях, я бы их назвал китайскими, 5,5-6% – экономика получила бы существенный рывок.

Ну и практика отзыва банковских лицензий. Наверное, проблема не с отзывом банковских лицензий, а с тем, что надзорные органы ЦБ, банковское инспектирование, к сожалению, выявляют нарушения, когда дыры огромные, и АСВ, и ЦБ на санацию банков тратят неприлично большие деньги, которые должны были пойти в реальный сектор.

Теперь мне хотелось бы остановиться на нескольких позициях, заложенных в бюджет, и в какой-то степени мы отталкиваемся от того главного программного документа, который формирует экономическую парадигму – бюджета. Бюджетная политика на ближайшие три года, к сожалению, нацелена только на стабильность и прогнозируемость, удержание низких показателей – это большая проблема и неиспользуемые возможности. Ставить во главу угла инфляцию в 4% – это вне всякого сомнения ошибочный подход.

Это приводит к тому, что в условиях дефицита бюджета, его сокращения и жесткой монетарной политики, мы не можем адекватно кредитовать национальную экономику, и приводит к сжатию потребительского спроса, что является тяжелым фоном для развития нашей экономики.

Кроме того, рассматривая в том числе в экспертном сообществе, мы должны отмечать, что урезание инвестиционной составляющей бюджета приведет к тому, что и Фонд развития промышленности как основной драйвер, который на возвратной основе предоставляет

ресурсы, не может полноценно отвечать тем запросам, которые существуют у нашей национальной экономики.

В заключение хотел бы остановиться на таком важном сегменте, я уже говорил, что ядром высокотехнологичной промышленности является оборонно-промышленный комплекс. Мы сейчас говорим о рисках неиспользованных возможностей. Но на мой взгляд, нужно говорить о рисках утраты того, что мы имеем. Эти риски касаются ОПК, в частности системы ценообразования при гособоронзаказе. Порочная практика – 20% плюс 1%. 20% на то, что ты делаешь сам, 1% на то, что ты получаешь по кооперации, наценка приводит к тому, что предприятиям выгоднее организовывать на своей базе не всегда эффективные производства. В результате мы получаем рентабельность по ГОЗ всего 4-5%, только лишь предприятия, которые участники Военно-технического сотрудничества и за счет экспорта имеют большую выручку, могут выводить общую рентабельность на 15-20%, все остальные предприятия вынуждены существовать в парадигме крайне низкой рентабельности, которая не позволяет не только не обеспечить достойной зарплатой, но не позволяет проводить технического перевооружения полноценного, не позволяет осуществлять перспективные и поисковые исследования.

В условиях, когда после 2019 года объемы ГОЗ сильно сократятся, когда мы должны идти не по пути конверсий – по этому пути мы уже ходили, это завершалось всё сковородками и соковарками – необходима диверсификация ОПК и производства высокотехнологичной гражданской продукции. Президент сказал – 30%. На самом деле, нужно говорить о более амбициозных планах. В этих условиях важная задача при формировании стратегии, Константин Анатольевич, прошу это учесть, рассматривать элемент ценообразования в том числе и по ГОЗ как важнейший элемент сохранения ядра высокотехнологичной промышленности и его конкурентоспособности. Спасибо.

[01:00:46]

Константин Бабкин: Спасибо. Оборонной промышленности мы практически не уделили внимания, это совершенно неправильно, надо будет дорабатывать.

Гринберг Руслан Семенович, научный руководитель Института экономики РАН, сопредседатель МЭФ.

Руслан Гринберг: Спасибо. Думаю, принципы стратегии, представленные в этой стратегии, это серьезно продвижение вперед по сравнению с нашими форумами два-три года назад. Мне кажется, это серьезный успех, в том числе лично Константина Анатольевича, который не только промышленник, каким он был в моем понимании четыре года назад, когда мы

подружились и родили этого ребенка под названием МЭФ, но уже стал серьезным макроэкономистом, который проник в наш цех и здесь вызывает некоторое беспокойство, поскольку он уже на равных спорит с нами, с академиками, с членкорами, и это тоже положительный момент.

Мы в марте будем проводить очередной форум, и мы полагаем, и Константин Анатольевич, мы с ним уже говорили на эту тему, что нужно позаботиться о том, чтобы программа была более-менее такая, которая устраивала бы многих, какой-то консенсус. Я считаю, что в нашем цеху в России очень большой дефицит договороспособности. В конце концов, мы любим ругать Кудрина. Но если посмотреть на его программу, там можно найти и кое-что положительное. Многие так называемые либералы огульно критикуют глазьевские взгляды, но ведь если бы они не были зашоренные, они нашли бы там много чего, что как дважды два четыре.

Мы часто спорим на разные темы. Я бы не хотел поднимать вопросы, которые мне кажутся спорными, но просто скажу, что важно иметь в виду в контексте сегодняшней российской экономики, скажу о приоритетах и денежно-кредитной политике, по-моему, самая спорная история. Мне кажется, то что Глазьев сказал о денежно-промышленной политике, это очень важная вещь, новость в новой экономической науке, экономической политике. Специально придумано, чтобы нарушать правила ВТО, не нарушая их. Это очень важная история.

Если мы говорим о промышленной политике, неизбежно здесь возникают приоритеты. Я назвал три пункта: приоритеты, денежная эмиссия и протекционизм. В моем представлении, огульно просто закрывать рынок контрпродуктивно, и это просто неприлично с точки зрения нашего участия в международных экономических организациях. Если мы хотим что-то менять, мы должны искать сторонников, китайцев, индусов, бразильцев, с которыми мы вместе можем это делать. То есть нам нужны приоритеты: точечность в приоритетах, в эмиссии, и точечность в протекционизме. Любого вида, но точечность. Потому что просто так закрывать рынок – это уже серьезная архаика.

[01:05:28]

Новый момент, который здесь не рассматривался, а я хочу его подчеркнуть. Я абсолютно не убежден в том, что сказал Владимир Гутенев, что экономика дает ответ на стимулирующие меры, которые мы вводим. Думаю, это не так, мы живем в ситуации, когда всё парализовано, банки полны денег, финансовые институты переполнены, и я не вижу никакого просвета в улучшении инвестиционного климата, за который ратует и Кудрин, и Бабкин, и Титов, и все – и правильно делают. Приведу пример. У нас на кредиты

приводится 5%, наверное, всех инвестиций. 7%? Говорят, что дорогой кредит и всё. А я всё думаю, куда 93% идет, почему 93% не вкладывают? НА самом деле, дело не в том, что дорогой кредит, а в том, что никому вкладывать не хочется. Потому что тот, кто может дать деньги, уверен в том, что деньги не отдадут, а тот, кто взял деньги, уверен в том, что он их не отдаст. Мне кажется, в этой истории очень важный момент, который мы с бывшим заместителем министра экономики России Иваном Валентиновичем Стариковым разрабатываем, это мегапроекты, пространственная экономика, которая единственная, в моем представлении, может толкнуть экономику вперед через пресловутое ГЧП.

Создание пространственных транспортно-логистических центров, мне кажется, это единственная панацея от этого.

Перед тем, как попасть в беду, Алексей Улюкаев сделал очень хорошее заключение, что риски от государственных инвестиций намного больше, чем риски от отсутствия всяких инвестиций. Это золотые слова. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Больше или меньше? Он же всегда выступал против госинвестиций.

Руслан Гутенев: Выступал, но встал на путь исправления, перед тем, как попасть в беду.

Леонид Ивашов: В проекте стратегии вижу разумное начало. Прочитывается некий контур будущей финансово-экономической модели, причем выстраиваемой на новом производстве, на новых технологиях. Обозначены приоритеты, в том числе науки, образования, технологий. Но я считаю, что эта программа, эта стратегия – необходимая программа минимум и не более.

Вот Руслан Семенович сказал, что движение вперед. Движение вперед куда? В какую экономику? В чей проект? Понятно, что в чуждый нам проект, а значит, мы всегда будем в роли обманутых дольщиков, как сегодня.

В какую мировую экономику мы пытаемся встроиться? В экономику, которая уничтожает всё живое на планете. Недавно академик Петросян делал у нас доклад по загрязнению планеты – диоксинное загрязнение убивает всё живое, страшнее радиоактивного. Посмотрите, какая идет деградация, загрязнение мирового океана и всего-всего.

[01:10:00]

И это результат экономики.

Задумаемся над цифрой: только 20% детей в России рождаются здоровыми. И мы пытаемся встроиться в эту экономику.

Второй момент. Мир сегодня кардинально меняется. Запад уходит с мировой политической арены в качестве лидера, наступает эра Востока. Китай там доминирует. И Китай несет вместе с новыми технологиями, с инфраструктурой на планету и идеологию социализма, и это нельзя отрицать. Мы говорим: «Будем под сенью китайской экономики». Но завтра мы с Китаем станем идеологическими врагами. Мы видим, что мир становится полицивилизационным, и геополитическое сообщество предлагает теорию нового мира. Это мы видим и Евразийский союз, ШОС, БРИКС, АСЕАН близок здесь, и другие организации. Это контуры нового мира. Мы даем теории новых межгосударственных отношений, новой системы безопасности, формулируем сейчас образ, архетип нового человека, это его сознания. Самый сложный момент – какой будет экономика. И то, что мы делаем, я еще раз подчеркну – необходимый этап. Но только Россия обладает опытом, и, безусловно, Запад, он навязал много веков, уже три века по крайней мере, эту модель. Но только Россия имеет опыт и теоретические навыки предложить совершенно новую модель, более безопасную, более справедливую. Мне кажется, что стратегии...

Мне кажется, что стратегии... Я процитирую Стивена Хокинга, это известный мировой физик, и, говорят, даже пророк из Кембриджа. Буквально на днях он сказал следующую фразу: «Настал самый опасный момент в истории человечества. Мы придумали технологии, которые позволят нам уничтожить нашу планету, но мы не изобрели способ ее покинуть». Сегодня нужна новая теория мировой экономической системы, в которую будет вписана и Россия. И российская стратегия развития, она бы, знаете, целью своей ставила что? Это восстановление и укрепление жизнеспособности Российского государства как ядра евразийской цивилизации и одного из мировых лидеров.

И задачи, которые решать нужно. Первое, что нужно для будущей экономики – это изменить сознание. От потребительского к интеллектуально-нравственному. Цель, смысл жизни человека нужно менять. По-иному эта гонка за богатством просто уничтожит нашу страну.

Второе – создание условий комфортно-гармоничного состояния человека для его творческого развития, восстановление социальной справедливости, возрождение евразийской цивилизации на Постсоветском пространстве, и так далее.

Мне кажется, что это нужно реализовывать. Но нужно задавать сегодня теоретические исследования уже новому миру. И условия реализации всего – победа над коррупцией.

Константин Бабкин: Спасибо большое. Крупнов Юрий Васильевич, председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития.

Юрий Крупнов: Спасибо. Уважаемые коллеги, хотел бы, прежде всего, всех поздравить, по крайней мере членов совета, но, думаю, и здесь присутствующих с тем, что эта программа появилась, оформлена. На мой взгляд, вне всяких сомнений, она может выступать консолидирующей платформой для того, чтобы от деиндустриализации и плавной деградации перейти все-таки в режим развития. И то, что Путин сказал в конце своего послания про повестку развития – на мой взгляд, эта стратегия, она та платформа, которая задает инструмент, как эту повестку развития сделать не декларацией, а былью. И я вижу, что суть этой стратегии, в чем она оригинальна, в чем я хочу поздравить? Потому что впервые экономическая стратегия своей базой берет промышленное развитие страны. Без промышленности, без приоритизации промышленности никакой экономики и качества жизни не будет. На мой взгляд, это прорыв.

Хочу сообщить вам, что уже на это заседание внизу на вешалке не хватает мест, то есть уже такой аншлаг, для которого в следующем нужно что-то предусматривать. И в этом плане я не согласен с крайне уважаемым мною Леонидом Григорьевичем, что это стратегия куда-то вписываться. На мой взгляд, логика прямо противоположная: не просто декларировать, что мы такие особенные, уникальные, а через промышленное интенсивное форсированное развитие, через новую индустриализацию как раз никуда не вписываться. И протекционизм, который здесь критикуют – это защитная оболочка против того, чтобы хотя бы тебя не поглотили. А вообще-то, надо идти, защитив себя панцирем, вперед.

[01:16:10]

По большому счету, эта приоритизация промышленности – это совершенно и новый сюжет в стратегиях экономики, где традиционные макроэкономические понятия, традиционные экономические рассуждения последней четверти века, они становятся, в общем-то, не самоцелью, это самое главное, потому что когда люди говорят действительно о том, что 4% инфляции, и с придыханием, что это некая цель тысячелетнего развития России, то в этот момент страшно. А в этой программе говорится – понятно, что это пока первичная платформа, – только через собственный труд, через развитие всех видов производств, созидательного труда, через предоставление работы каждому гражданину России, достойной занятости (это термин Международной организации труда) мы сможем восстановить свою международную и геополитическую субъектность.

Следующий момент. Что, на мой взгляд, не совсем проакцентировано? Мне кажется очень важной идея равных условий для всех. Это, безусловно, новый сюжет, потому что тот, кто против господдержки, и элементарно неравные условия конкуренции, все с разным стартом, кто говорит о точечной господдержке – опять неравные условия и так далее. И

этот сюжет абсолютно правилен, потому что общая среда должна быть комфортной для тех, кто созидает промышленным трудом в России. Но, с другой стороны, на мой взгляд, ущемлен вопрос, связанный с тем, как нам все-таки из деиндустриализованной, детехнологизированной ситуации прорываться к своей субъектности и самобытности, самодеятельности. Для этого нужны все равно прорывные глобальные русские индустрии, без которых мы никуда не попадем. Определение набора этих индустрий очень важно.

Два кратких замечания и предложение. Протекционизм. На мой взгляд, в общем-то, несерьезно обсуждать, протекционизм устарел или нет. Я прошу прощения, из того деиндустриализационного концлагеря, в который страну загнали за 25 лет отрицания промышленности, даже слова этого «промышленность», только недавно появился закон, безусловно, просто так не выберешься – нужны защитные меры.

И второй момент. Ведь протекционизм и Менделеев, не устаревшие нисколько. Суть его заключается не в том, чтобы пошлины вводить заградительные, а в том, чтобы собственность на деятельность, на свою промышленную систему полностью контролировать. И это, кстати, идеология, которая в том же замкнутом торговом государстве Иоганна Готлиба Фихте развивалась еще в конце 18 столетия.

И предложение, очень кратко. Первое. После обсуждения, которое сейчас начинается и идет, конечно, надо выдвигать на МЭФ эту программу, делать ее центром Московского экономического форума, пятого, если я не ошибаюсь. И потом было бы интересно, чтобы ТПП действительно вынесло это как программу ТПП, и представило Президенту, Федеральному Собранию Правительству. К апрелю-маю это можно было бы сделать.

Второй момент. Очень важно эту программ предложить Минпромторгу, поскольку сейчас началась разработка стратегии развития промышленности до 3025 года. Нужно не дать, чтобы это осталось каким-то ведомственным документом. Эта стратегия развития промышленности должна быть центром.

И последнее. Мне кажется, по этой платформе необходимо организовывать спектр обсуждений самых разных аспектированных, дополнительных. Видно, что люди собираются вокруг этой платформы. Мне очень приятно, что Сергей Юрьевич и господин Титов, при всех оговорках, в общем виде здесь, на большой платформе на рациональное зерно. Этот консолидационный эффект надо наращивать. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Юрий Васильевич. Коломейцев Николай Васильевич, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов, заместитель руководителя фракции КПРФ.

Николай Коломейцев: Спасибо. Я бы хотел присоединиться к поздравлениям Константину Анатольевичу. Наверное, новые качества в ТПП позволили дать и новое качество документа. Но сразу же перейду и к критике или недостающим моментам.

[01:20:45]

Рекомендую прочитать фундаментальный труд Менделеева, называется он «Толковый тариф». И, с моей точки зрения, как раз тарифы и кредитно-денежная политика как раз и являются главным тормозом российской экономики. Почему? У нас есть искусственный недопуск производителя к финансовым ресурсам. У нас есть колоссальное давление тарифов. Особенно говорят о модернизации, а электроэнергия дороже в 30 раз для собственных производителей, чем экспортируем. Нефтегазовые ресурсы точно также для собственных производителей дороже.

И, конечно же, мне кажется, одной из базовых проблем нашей страны является сверхнеэффективное управление, и отсутствие комплексного управления, потому что у нас, я перечитываю все Послания Президента перед каждым очередным, и могу вам сказать, что эффективность реализации их крайне низкая, максимум 20%. Причем вещи всегда говорят правильные. А почему? Потому что кудринская политика продолжается Силуановым.

Смотрите, президент похвалил сельхозмашиностроение за 26% рост. Я тысячекратно разговаривал и с ныне находящимся под домашним арестом Улюкаевым, и с Силуановым. Говорю: «Послушайте, вы придумали одно полезно постановление – №1432. 10 млрд. дали, 35 получили. Вам таких постановлений надо по каждой отрасли придумать, и у вас нефтегазовые доходы замещены». Они что делают? Берут и обнуляют все эти полезные вопросы. Почему? Потому что как раз отсутствие комплексности, а может быть, и вредительский подход.

Кроме этого, смотрите, в 2013 году Государственная Дума приняла правильный Закон «О стратегическом планировании». Назовите мне хоть одну транснациональную корпорацию, у которой отсутствует стратегическое, среднесрочное и оперативное планирование. Ни одной не найдете. Назовите мне, кто в нашей стране главный инженер по модернизации и инновационному развитию. Не найдете. Даже у Правительства не найдете такого человека, который за это отвечает, и может понести ответственность. А как же мы можем модернизироваться, если, скажем, те же американцы, 60 лет у них применяется ускоренная амортизация?

Я специально запросил, в вашем институте есть прекрасный профессор Соколов, он мне сказал: за 2014 год, уважаемые депутаты, собрали амортизационных отчислений 5 млрд. 498 млн., а только 2,7 израсходовали по направлению. Я вас спрашиваю: «А где еще половина?». А половина отсутствует, потому что господин Улюкаев еще в 2009 году уволил последнего специалиста, который разбирался в вопросах амортизации, и мог что-то предложить. А, с моей точки зрения, нам не надо придумывать велосипед. Надо принять Закон «Об ускоренной амортизации», который бы давал право 50% заработной прибыли до налогообложения целевым образом использовать на модернизацию, но ввести уголовную ответственность за нецелевое использование». А у нас ведь контроля нет, и все страхи о том, что не туда израсходуют.

Заключение. Если посмотрите, все время апеллируя к либералам, вынужден читать много как раз адептов либерализма и монетаризма. Милтон Фридман, нобелевская речь, говорит о том, что «Если монетизация вашей экономики ниже 45%, говорить о вашем будущем бессмысленно». У вас неправильно было. Там 67%, а у нас 47% монетизации экономики. Ни в одной развитой экономике, двадцатке, нет ниже 100%. У американцев 200 трлн. внешний долг, и мы должны в стратегии предусматривать и возможность дефолта Америки, потому что им просто же объявить дефолт, и все им должны опять, и непредсказуемая ситуация.

И, конечно же, мне кажется, что надо вообще-то кроме монетизации, при набиуллинской кредитно-денежной политике невозможно поднять экономику. Потому что, вы поймите, у них минусовые кредиты, у Европы в 200 раз ниже кредит, чем у нас, процентная ставка, у Америки в 40 раз. Как мы можем конкурировать, если тарифы выше, ресурсы кредитные выше, и бюджет не вкладывается?

Заключение. Роберт Барро, профессор четырех университетов, в том числе одного китайского, финансового, он же советник МВФ и Мирового банка. Он единственный специалист в мире, который проанализировал влияние инфляции на рост экономики в 100 странах мира в интервале 30 лет. Последнее уточнение сделал в 1996 году.

[01:25:48]

Он говорит, что «Если вы вкладываете в инфраструктуру и строительство новых производств, и индексируете пенсии, социальные выплаты, то инфляция даже 15% в краткосрочном периоде, она не вредна, а только поможет укрепиться в будущем, и погасить ее через 5 лет». Спасибо.

Константин Бабкин: Хорошо, Николай Васильевич. Спасибо.

Идем дальше. Цветков Валерий Анатольевич, директор Института проблем рынка Академии наук.

Валерий Цветков: Уважаемый Константин Анатольевич, уважаемые коллеги, друзья, как это ни странно звучит сегодня, но не существует сегодня единого мнения о перспективах развития нашей экономики. Совершенно непонятно из выступлений наших политиков, членов Правительства, ученых, практикующих экономистов, что же сегодня происходит в реальности, или, говоря новым языком, в новой реальности. Что нам ждать в недалеком будущем? Нет единого ответа. Мы плывем или мы тонем? А если плывем, то хватит ли нам сил и кислорода доплыть до поверхности?

Сегодня звучало упоминание о новой реальности. Я тоже как раз об этом хотел бы сказать. Мне кажется, очень хорошее определение новой реальности в свое время дал такой писатель известный Войнович, в книге «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Дела в колхозе шли плохо, то есть не так, чтобы очень плохо, можно даже было бы сказать, что хорошо, но с каждым годом все хуже и хуже.

Чтобы понять, что происходит в стране, можно взглянуть на данные Росстата. Цифры – вещь упрямая, и мы видим, что сегодня мы должны однозначно сказать о кризисе в российской экономике. При этом это не мировой кризис, а исключительно наш системный кризис. Для того, чтобы измерить пути выхода из кризиса, то есть прописать лекарство оздоровления, надо не только понять причины кризиса, но и измерить его глубину, температуру, понять опасность складывающейся ситуации, как сильно больна экономика. Но это не так просто. Мы знаем, что еще в недалеком 1996 году были разработаны количественные и качественные параметры, которые позволяют нам оценить состояние экономики, так называемые пороговые значения, выход за пределы которых вызывает угрозу экономической безопасности. Но вот незадача. Мировой экономической науке ничего неизвестно ни о таких пороговых значениях, ни о странах, которые по достижении этих пороговых значений оказались бы за критической чертой.

На самом деле, состояние экономической безопасности, да и в целом перспектив развития страны характеризуются другим показателем. Важнейшим из них, в значительной степени предопределяющим многие экономические и социальные процессы, является уровень экономического развития, который определяется величиной производимого валового внутреннего продукта на душу населения. Именно от величины этого показателя во многом будет зависеть качество и продолжительность жизни населения, качество питания, финансовые возможности государства и общества по обеспечению социальной защиты нетрудоспособных. И так далее.

В свою очередь, одним из наиболее важным фактором, влияющим на уровень экономического развития, является экономическая политика государства. Но какая? Разумная. А какая разумная политика? Это та политика, которая обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества на душу населения наиболее эффективным способом. И сегодня благодаря стратегии экономического развития России до 2030 года, которую Константин Анатольевич представил, мы можем сказать, что у нас есть эта разумная политика, экономическая политика, которая нам позволяет сказать, что мы должны делать и как мы должны делать, чтобы наша страна вернула себе статус великого государства. Спасибо.

[01:30:18]

Константин Бабкин: Спасибо. Хочу вне очереди предоставить слово Михаилу Леонидовичу Хазину.

Михаил Хазин: Да, спасибо большое. Я, на самом деле, достаточно неожиданно здесь оказался, и оказался зажатым во временные лимиты, поэтому прошу прощения, если я вторгся на чье-то место.

Я внимательно слушал то, что здесь говорилось, и могу сказать, что каждая отдельная фраза абсолютно правильная, но все вместе – это некоторое сложное смешение концептуального масштаба, стратегического, оперативного, тактического, и по этой причине иногда это выглядит очень странно. Давайте сначала концептуально.

В 1991 году было принято некое решение. Правильное оно было или неправильное – это вопрос отдельный. На тот момент, скорее всего, другого выхода не было. Это встраиваться в мировую долларовую систему. Отметим, что встроились мы наихудшим образом, то есть мы отдали все, что могли отдать, и в том числе то, что можно было не отдавать, и даже то, что у нас, в общем-то, и брать не хотели. Поэтому тому поводу можно предъявлять претензии организаторам этого безобразия, но толку от этого уже никакого нет, потому что это вопрос уже решенный. Точка. Либо мы должны сказать: «Да, эти люди совершили преступление. Их надо казнить. Некоторых, соответственно, из могилы выкопать, в пушку запихнуть и выстрелить». Это, конечно, способ, но он никакого конструктивного начала не несет.

А суть этой модели с точки зрения экономической политики построена на следующей логике. Обычно ее относят к Гайдару, но, на самом деле, он ее получил, как некоторую уже готовую модель. Суть следующая. Мы отказываемся от внутренних инвестиций вообще, мы делаем ставку на иностранные инвестиции, иностранные инвестиции идут только в том

случае, если низкая инфляция. Для получения низкой инфляции нужно зажимать денежную массу. Тем самым, если мы чем более жесткую денежно-кредитную политику ведем, тем выше вероятность, что мы получим иностранные инвестиции, и будет нам счастье.

В этой логике ошибка в каждом пункте, но я уж не буду здесь повторяться, я надеюсь, что люди здесь образованные, они это и так понимают. Принципиально важная вещь, какую нужно понимать по состоянию на сегодня. Обращаю внимание, эта логика работала в 2000-е годы, потому что у нас был приток долларов для того, чтобы эти иностранные инвестиции возвращать, и, соответственно, не работал в 1990-е годы и в 2010-е годы, потому что у нас больше нет долларов. Все те доллары, которые у нас есть, которые мы получаем, идут на возврат уже сделанных инвестиций. Все, эта машинка больше не работает. Все остальное – это следствие. В частности, тут говорится, что Правительство не желает заниматься экономической политикой. В соответствии с этой логикой единственное, что должно делать Правительство – это балансировать бюджет, чтобы высокий дефицит не вызывал эмиссионных, и, как следствие, инвестиционных процессов. Все.

Добавлю небольшую личную нотку. Моя окончательная ругань с либеральной командой произошла в ноябре 1996 года, когда я, будучи начальником Департамента кредитной политики Министерства экономики – Аркаша Самохвалов принимал участие в этом процессе, – подготовил доклад для коллегии о неплатежах, в котором на цифрах показал, что при низкой монетизации дальнейшее снижение монетизации ведет к росту инфляции.

Мы должны понимать, нам нужно менять базовую модель, мы должны отказаться от идеи, что единственный упор должен быть на иностранные инвестиции. Мы должны делать рубль инвестиционной валютой.

[01:35:05]

Это должно быть написано красными буквами на любой программе. Больше на обложке ничего писать не нужно. Все остальное, если вы делаете рубль инвестиционной валютой, у вас должна расти монетизация. Для того, чтобы монетизация росла, нужна эмиссия. Для того, чтобы эмиссионные рубли не переходили в доллары, необходимо ограничение валютной политики и изменение налоговой политики. Сегодня Правительство игнорирует любую экономическую политику, за исключением балансирования бюджета. Мы должны с этим бороться.

Я считаю, что именно эту фразу «мы должны сделать рубль инвестиционной валютой» и надо написать на знаменах. Все остальное – это следствие.

Все, спасибо.

Константин Бабкин: Все, спасибо. Мне кажется, вы и не спорили с предложенными принципами. Мы же не предлагаем как раз использовать только иностранные инвестиции и так далее. Мне кажется, это не спор, а дополнение нашей стратегии, за что я вам благодарен.

Идем дальше. Самохвалов Аркадий Федорович, действительный государственный советник I класса, экс-замминистра экономики.

Аркадий Самохвалов: Добрый день, господа. Спасибо за выступления. Я в отличие выступавших ранее буду менее принципиален. Считаю, что принципиальные вещи уже объявлены, а все детали среди единомышленников и профессионалов очень легко обговариваемы, вносимые как дополнения, для обсуждения, как угодно. Но все эти четыре направления, которые названы, они носят действительно принципиальный характер – направления для последующей работы. И именно здесь нас ожидают непростые времена. Я это с ответственностью говорю, как уже немолодой человек, потому что то, что предлагается – это не отражает состояние головы тех, кто сегодня у руля финансово-экономического блока, за исключением нового министра, состояние головы которого я просто не знаю. И, оставляя их на своих местах, мы не двинемся по этим направлениям. Поэтому, мне так кажется, и не нужно обсуждать там детали, а нужно принципиально соглашаться со сказанным, считая, что именно эти направления работы есть основа для преодоления сегодняшней стагнации и выхода из кризиса, и потом дальнейшего развития. Прямым примером всего этого является преодоление кризиса 1998 года, в котором правительство Примакова как раз и было озабочено именно этими направлениями, которые были названы господином председателем. В частности, по налоговой политике. Да, был снижен налог на прибыль, да, была введена инвестиционная льгота. В результате мы получили за два года – 1999 и 2000 – увеличение поступлений по налогу на прибыль в 4 раза, а в целом по совокупности с другими мерами наша экономика выдала на гора в три раза больше налогов, чем до кризиса. И ссылки на то, что там низкая база была – это все не по делу, потому что в 1997 году была не самая низкая база для отсчетов темпов такого оздоравливающего развития.

Пришедшие на смену правительству Примакова руководители финансово-экономического блока повернули все вспять, и в частности повернули, развернули так называемое импортозамещение, которое бурно развивалось. И Греф, Кудрин и все остальные благополучно все это похоронили. Более того, ведь возросшие импортные поставки коснулись не только продовольствия. К сожалению, средства к производству там росли,

импорт средств производства рос просто недопустимыми темпами. И все это дело покрывалось тем, что нефть пошла вверх, все это топилось в деньгах, и все было хорошо до 2008 года.

Но я бы хотел обратить внимание еще на следующую сторону. К сожалению, мы забыли, ради чего мы вообще шли от царизма к рыночности. Мы же шли за конкуренцией, за предпринимательской активностью. А к чему мы пришли? Мы пришли к экономике, которую я называю точечной. Все эти разговоры про точечную поддержку – это ужас, это, по сути дела, ручное управление.

[01:40:05]

Мы же при социализме. Данилов-Данильян на прошлом выступлении рассказывал, какую мощную экспертизу он сделает в Минпроме, и будет прокачивать через себя все инвестиционные проекты. Чуть собачья! При социализме каждый директор был экспертом, Госплан был экспертом, в министерствах сидели эксперты, и все это выворачивалось в бюрократическую волокиту, и к разрыву между предпринимательской инициативой и деньгами, которые нужно было с этой инициативой сцепить.

В любом случае, господа, нам нужно все это руками делать, эту рыночную обстановку. Если мы будем ждать от этого, как ждали так называемые рыночники, что все случится само собой – это неправда, ничего не случится. И только работая в тех направлениях, которые были названы и определены у председателя, или у автора, или у руководителя разработанной стратегии, только тогда мы хоть что-то будем иметь. И тогда мы ваши принципы не забудем тоже, но их лучше претворять при сильной экономике, а не при слабой экономике. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Аркадий Федорович. Грудинин Павел Николаевич, директор Совхоза им. Ленина.

Павел Грудинин: Я даже не знаю, что вам сказать. Я слышал столько ученых, и вспомнил песню Высоцкого «Товарищи ученые, доценты с кандидатами. Запутались вы и с иксами...». На самом деле, все правильно говорят, но только вопрос. Напротив сидит Леонид Аркадьевич Злочевский. Он как-то мне сказал: «Слушай, мы не понимаем, – имея в виду аграрное сообщество, – Правительство оглохло. Мы говорим, что нужно делать, а Правительство просто ничего не слышит, оно просто ничего не слышит». Причем время от времени какой-нибудь член Правительства выходит и говорит: «Нужны структурные реформы. У нас ничего не получится. Нам нужно что-то менять». Потом слушаешь Президента, и понимаешь, что, скорее всего, менять будут к 2018 году. Он сказал:

«Несмотря на внутривнутриполитическую ситуацию, мы все равно будем менять налоговое законодательство». И у меня такое впечатление, что это угроза, что опять нам увеличат количество налогов, и еще, мало того, введут такие дополнительные сборы, что мы жить не сможем.

Мы вчера с Леонидом Аркадьевичем сидели на Общественном совете при Минсельхозе, – мы члены этого совета, – и доказывали Правительству, членам Министерства сельского хозяйства, членам Правительства, о том, что вообще нигде ветеринарной сертификации на готовую продукцию в мире нет, и только у нас собираются изъять деньги таким путем у наших переработчиков, и, соответственно, у всех остальных. Но, на мой взгляд, главная проблема помимо всех тех, которые здесь были перечислены – это проблема, что население нищее. Для чего мы это все делаем? Вы же поймите, что ввезли на 700 тыс. тонн больше в этом году пальмового масла не потому что наш народ не хочет есть натуральное масло или молоко нормальное пить, а потому что денег ни у кого нет. Зачем работать, если инвестиции уже в топ птицу и в то мясо, о котором так много говорил Президент, уже не поступают по одной простой причине: мы с 77 кг на душу населения в позапрошлом году, в прошлом съели 70 кг, то есть на 10% снизили потребление. Мы достигли импортозамещения полного, и полной продовольственной безопасности, потому что перестали есть мясо. У нас производство молока уменьшается, да потому что из пальмового масла в 3-5 раз дешевле в производстве так называемые молочные продукты, а нашим мы неконкурентоспособны. На прошлой неделе ездил в Германию. Вы не представляете, это смешно. У фермера, у которого мы были, нет охраны. Понимаете как? Мы платим сумасшедшие налоги, но охрану должны еще содержать, потому что милиция, скорее всего, не охраняет, а что-то другое делает. И если у тебя даже что-то украдут, никто никогда ничего не найдет. Налоги – это плата за жизнь в цивилизованном обществе. Какое же общество цивилизованное, когда все время ты чувствуешь себя, как семеро с ложкой, а один с сошкой, потому что при тех словах, которые говорит Президент о том, что снизить нужно административные барьеры, надо дать возможность бизнесу дышать. Тебе все повышают: «Платон», акциз, торговый сбор, кадастровая стоимость земли. И мы все время... Гутенев ушел, к сожалению. Я понимаю, что вы Потапенко не пригласили, потому что опять бы был наш конфликт с Гутеневым, потому что у него все хорошо. Что хорошо, если в 2011 году мы покупали в сельское хозяйство 21 тыс. тракторов, и порядка 10 тыс. комбайнов. А в этом году купили 10 тыс. тракторов и 5,3 тыс. комбайнов. То есть мы уменьшаем покупку.

Вообще, на самом деле, это надо понять, в том числе и всем великим мужам, как это так: производство зерна растет, а комбайнов мы покупаем гораздо меньше. И вообще,

модернизация производства, скажем, снижается. И поэтому есть какие-то разрывы, но есть одно понимание, что так жить нельзя, что надо читать Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Президент об этом сказал. Они вложили в банковскую сферу 800 с чем-то миллиардов, в результате получил банковский сектор прибыль в этом году 700 с чем-то миллиардов. А мы никак не можем понять, где деньги взять. В Коммунистической партии Советского Союза было написано: «Главная задача партии и правительства – повышение материального благосостояния советского народа». В любой этой стратегии нужно написать. Это нужно написать обязательно везде.

[01:45:53]

С Хазиным не согласен, что там нужно писать красным. Я считаю, что красным нужно писать вот это. Тогда будет смысл работать всем без исключения, в том числе и промышленности, и всему остальному.

Реплика: Подождите. А как у вас получилось, что в 2011 году больше покупали, а сейчас больше произвели намного?

Павел Грудинин: Это не у меня получилось, это у Росстата получилось. Не путайте меня с Росстатом.

Реплика: А что, они на бумаге, что ли, эти трактора новые, комбайны?

Павел Грудинин: Еще раз говорю, количество тракторов и комбайнов купленных уменьшилось в два раза, а производительность в плане зерна увеличилась. Я думаю, что тут где-то приписки, но, скорее всего, не в комбайнах и тракторах, а в зерне.

Константин Бабкин: Это правда. Еще недавно рынок России был 9 тыс. комбайнов, а сейчас 6. Не в два, наверное, раза, но падение серьезнейшее, несмотря на большой урожай.

Мне кажется, вы тоже не спорили с изложенными принципами. Улучшать надо экономические условия, чтобы рентабельность была в сельском хозяйстве, и тем самым...

Павел Грудинин: Также я согласен с продовольственными карточками. Вы поймите, на самом деле, главной проблемой сейчас является – мы уперлись в потолок покупательной способности. Если будет покупательная способность... А в этой стратегии очень хорошо написано, что давным-давно нужно сделать. И пока мы этого не сделаем, мы будем в стагнации точно.

Константин Бабкин: Еще один представитель Аграрного комитета ТПП Пилус Елена Викторовна, директор по инвестициям «АССАГРОС».

Елена Пилюс: Добрый день, коллеги. Я от имени Ассоциации отраслевых союзов АПК благодарю команду, которая работала над стратегией, и очень признательна, что наши позиции по ряду вопросов учтены. Хотелось бы добавить отдельные моменты, и, надеюсь, мы будем услышаны.

Что касается вопросов экспорта. Полагаем, что увеличение экспорта переработанной продукции, особенно странам БРИКС – это сейчас главная задача в текущих условиях. В связи с этим полагаем, что нужны реальные вложения в организацию экспорта, и, прежде всего, по сертификации продукции и организационной поддержке. По регламентации контроля качества главный момент – реальная финансовая, административная ответственность за нарушения. Это серьезная проблема, как мы все знаем, и, конечно, штрафы не соответствуют тем нарушениям, которые мы наблюдаем.

Следующий момент. В стратегии хотелось бы уделить больше внимания проблемам сбыта и необоснованным посредническим звеньям. При нынешнем уровне цен снижение в ценах доли посредников на 10-20% может дать производителю все условия для развития, и, возможно, не потребуются особые субсидии.

Система оценки эффективности и доступности субсидий практически отсутствует. Хотелось бы отметить, что до настоящего времени нет прозрачности процедур, и условие получения субсидий, участие в программах льготного кредитования и других видов государственной поддержки должны быть понятны и прозрачны. Мы все понимаем, что при оценке инвестиционной привлекательности иностранных и российских инвесторов, инвестиционной привлекательности регионов и отдельных проектов для бизнеса очень важно, чтобы государственная поддержка была гарантированно на долгосрочный период, а также была прозрачной для планирования. Важно, чтобы были обеспечены принципы равной конкуренции, и каждая отрасль все-таки бы имела свои перспективные направления и планы развития с учетом продовольственных балансов. Об этом очень много говорится, и это бы дало исключение тех перекосов в размещении производства, в наличии трудовых ресурсов, учет сырьевых ресурсов.

[01:50:02]

Очень правильные коллеги поднимали вопросы тарифной политики. Не секрет, что в условиях членства в ВТО требуется выравнивание тарифов для внешних и внутренних нужд, но надо понимать, что при таких условиях наше развитие не может быть эффективным, и здесь могут быть использованы меры государственно-частного партнерства, неограниченные ВТО: это инфраструктурное обеспечение производственных объектов, подключение к сетям, подведение дорог с твердым покрытием, что позволит

предпринимателям концентрироваться на своих конкретных проектах на строительстве, и расширении производства. А также могут быть использованы субсидии в рамках региональной помощи, в том числе в неблагоприятных регионах.

Что касается продовольственных карточек, это давно обсуждаемая мера, но она требует в данных условиях адаптации. Мы забыли о том, что сегодня у нас нет внутренней продпомощи на закупку продуктов, но есть социальное питание, в котором увеличение дотаций на 1 рубль эквивалентно увеличению спроса на порядка 2-3 рублей. И здесь при доведении, например, школьного питания до сбалансированного потребует порядка 30 млрд. руб., а спрос при этом возрастет, наверное, до порядка 80. И с соцпитания можно было бы начинать. Система есть, ее нужно только немного перенастроить.

Благодарю за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо. Михаил Петрович Ненашев, председатель Общероссийского движения поддержки флота.

Михаил Ненашев: Уважаемый Константин Анатольевич, уважаемые члены Совета ТПП и участники обсуждения. Также при подготовке к этому заседанию все обратили внимание, и в нашем, по крайней мере, морском сообществе, те, кто работает с ОПК, с судостроением, те проекты и наброски принципов стратегий, которые сумели оценить, везде выдается достаточно высокая и обнадеживающая оценка представленному документу. Так что коллективу разработчиков во главе с вами, Константин Анатольевич, хотя вас уже много хвалили, но я тоже похваляю за начало работы. Когда я говорю «похваляю», здесь есть и небольшая ирония. У нас сейчас в стране написано порядка 500 стратегий. Из них более 300 в области экономики. Стратегии, вы знаете, уже переписывают, даже за те, за которые заплатили миллиарды некоторым. Руслан Семенович говорил, что из одного края шарахаемся в другой, и вопрос сейчас интеграции. Стратегии есть, слова правильные есть, а, на мой взгляд, то, что появляется в нашей стратегии, которую мы сегодня рассматриваем – это то, что мы хотим представить обществу идеи. У нас идеи и организационное воплощение этих идей – по-моему, главная беда и проблема.

И третья беда – мы тоже представим в виде предложений, как эту беду преодолеть – в нашей стратегии – это кадры. В стране сложилось так, что тяжело найти как тракториста-комбайнера, так и руководителя предприятия. В стране оказалось плохо, когда был высокий рубль. Мы ждали, когда рубль будет низкий, и мы будем повышать производительность труда, и развивать промышленность активным образом. Оказывается, все то, что повысилось в виде рубля, было съедено на покупку импортных и прочих поставок. Поэтому я бы хотел подчеркнуть, что Константину Анатольевичу и вашему

коллективу мы представим свои предложения по конкретному наполнению, но я бы хотел, чтобы был раздел наряду с тем, о чем вы уже согласились – это раздел по «ОПК». Россия наряду с критическим осмыслением происходящего развития даже по признанию наших недругов стала военной сверхдержавой. Без существующей экономики, без заделов прошлого труда наших старших поколений мы бы не могли стать. Поэтому, когда мы размахисто критикуем все и вся, мы должны соизмерять с тем, что происходит и позитивного, потому что мы сами себя загнали в уныние. И то, что здесь говорил, что люди не верят в то, что мы можем любую стратегию написать умно, и ее же реализовать... Ведь на 13 лет мы эту стратегию планируем. Через 13 лет мы соберемся в этой аудитории, и спросим, что сделано. Кстати, может, покажем пример тем, кто писал оставшихся 500 стратегий, что мы еще и готовы отчитаться. Потому что тут, смотрите, амбициозные задачи. У нас сейчас 70 тыс. заводов, а будет почти 200 тыс. Это в нашей стратегии прописано. Кстати, мне нравится даже амбициозность. И я бы хотел сказать, что второй раздел – это раздел подготовки кадров, №1 раздел, потому что перекликается что с ОПК, что с флотом, что с аграрной тематикой.

В завершение я бы хотел раз поблагодарить за работу. Готов от имени Общероссийского движения поддержки флота, мы с Валерием Анатольевичем Цветковым многие вещи предварительно поработали, внести в качестве развивающего и дополняющего то, что сегодня обсуждается. Спасибо за позитивные и умные размышления. Приятно было слушать.

Константин Бабкин: Спасибо, Михаил Петрович. Сейчас вне очереди хочу предоставить слово Ивану Валентиновичу Старикову, он представляет Институт экономики РАН. Ему надо уезжать. Он сейчас вручит экземпляр нашей стратегии уже новому министру экономики.

[01:56:34]

Иван Стариков: Спасибо, Константин Анатольевич. Коллеги, я уложусь в пределах. Жалко, что ушел Владимир Владимирович Гутенев. Я, конечно, не Потапенко, но хотел бы сказать, вспомнил сюжет с его выступлениями, старый анекдот. Когда алкоголики провожают в последний путь своего почившего товарища, и говорят: «Слушай, смотри, как Коляка хорошо выглядит. Как тебе? Он уже три дня не пьет». Поэтому когда вчера Правительство на 67 рублей снизило прожиточный минимум – это подкрасить губы покойнику, и показать Президенту, что у нас количество бедных снизилось, на самом деле.

А теперь по сути. Коллеги, как говорится, постулат влечет, а теорема требует. Три базовых принципа. Никаких 20 лет стагнации у России нет, потому что у России нет такого

исторического времени, что удастся сохранить ее при таких темпах роста нулевых, как единую историко-политическую сущность. Это первый постулат.

Второй постулат. Высокая инфляция – всегда плохо, но низкая инфляция – не всегда хорошо, и баланс между высокой и низкой инфляцией – это ответственная экономическая политика.

И третье. Доверие – это точно такая же экономическая категория, как и динамика валютного курса, золотовалютные резервы, инфляция и все остальное. Когда у нас главные олигархи, начиная от Усманова и остальных (не буду перечислять) – перестают быть налоговыми резидентами Российской Федерации, это означает, что отсутствует главный критерий и главный фактор экономической политики будущей. К стране нет доверия, нет доверия у экономических субъектов. Для того, чтобы это вернуть, элита должна иметь хоть какой-то осмысленный проект национального государственного будущего, хотя бы на ближайшие 10-15 лет. Что я имею в виду?

Полковник Кольт, как известно, уравнил шансы людей, поскольку они родились, что называется, равными. Наш револьвер системы «Кольт» – это территория 17 млн. кв. км между Восточной Азией и Европой, между рынками с общим населением в 4 млрд. потребителей, 60% населения Земного шара. Я первый раз 4 года назад благодаря Константину Анатольевичу выступил на экономическом форуме с тем проектом, который мы делаем в Институте экономики, о создании нового глобального транспортного коридора. За это время китайцы половину Шелкового пути построили в обход России. Поэтому необходимо срочно принимать решения о глобальном проекте создания транспортного коридора между Восточной Азией и Европой. И в этом смысле я вам скажу вещь, может быть, здесь неожиданную, попытки Трампа разрушить Транстихоокеанское партнерство, куда не пригласили китайцев, но куда 16 стран вошло, 40% глобального ВВП, 30% мировой торговли – это против России, потому что Россия исторически – страна-мост между Востоком и Западом, и создание такого транспортного коридора – это возможность сбалансировать Китай, с одной стороны, с другой стороны, это 7 млн. новых рабочих мест, индустриализация и развитие страны. В конце концов, это осмысленный проект национального государственного будущего, исходя из тех ресурсов, монопольных, пока не отчуждаемых, с которыми нам повезло. Исходя из фундаментальной теории Пола Кругмана (Нобелевская премия 2008 год), что называется «пространственная экономика». Давайте двигаться в этом пути. Спасибо.

[02:00:04]

Константин Бабкин: Спасибо, Иван Валентинович. Спасибо вам за вашу работу. Нам действительно надо наполнять нашу стратегию конкретными проектами развития.

Идем дальше. Жуковский Владислав Сергеевич. Три минуты, пожалуйста.

Владислав Жуковский: Спасибо за предоставленное слово, коллеги. Мы уже здесь упомянули с вами про Послание Президента Федеральному Собранию. Я его с 2008 года слушаю, и как-то все жду и жду, когда же произойдет тот самый разворот, где же будет самоотскок, где же будет смена радикальная экономического курса, но пока не происходит. И, как мне кажется, даже были потеряны очень важные цифры. Например, по ВВП на душу населения, по паритету покупательной способности мы не 4-5 экономика в мире, а 48-52 экономика. По продолжительности жизни, если верить данным Всемирного банка, примерно 100 место, по рождаемости 146, по смертности на 32 месте в мире между Намибией, Габоном и Угандой. Надо понимать, что проблем огромное количество, просто их стараются нам обычно не говорить.

Нам сказали, что, например, все хорошо было с жильем. Мы ввели 85,5 млн. кв. м. жилья за год, в 2015 году причем. Рост-то был всего лишь 1,5%, на душу населения всего лишь 70 квадратных сантиметров. Это, на самом деле, крайне-крайне мало, это примерно 60-е место в мире. Скажем, крупнейшие страны вводят от 1,5 до 2,5 квадратных метров в год. Нам обещают квадратный метр уже лет, наверное, 15. Но при этом в том году ввели на 1,5% больше, а по 2016 году получилось, как сказал правильно Павел Николаевич Грудинин, что у людей денег нет, купить они не могут. Идет спад ввода жилья уже на 6,5%. Причем одно дело – просто ввести жилье, построить коробку, в которой никто жить не может, а с другой стороны, провести там ремонт, покрасить стены, положить плитку. У нас по строительным работам падение в 2015 году строительных работ на 5%, в 2016 году за первые 10 месяцев – еще на 5,1%. То есть получается, что как-то цифры не совсем бьются, и какое-то странное впечатление. То есть ипотека неподъемная, всего лишь 5% россиян могут купить себе жилье без кредита, ипотеку могут позволить себе не больше 17% населения, и так, в принципе, везде.

Вот, например, интересные цифры по высоким технологиям. Якобы мы экспортировали на 8,5 млрд. долларов высокотехнологичной продукции. Но, чтобы было понятно, мировой рынок – это 2 трлн. 150 млрд. долларов. То есть наша доля – меньше 0,45%. При этом Китай экспортирует не как мы 9 млрд., а 550 млрд., ФРГ примерно 200 млрд., маленькая Италия – 30 млрд., Канада, сырьевая экономика, около 30 млрд. Поэтому так, на самом деле, если посмотрим, то везде какие-то непонятные недочеты.

Забыли сказать, что почему-то наша экономика падает 7 кварталов подряд, причем такого длительного падения не было ни в 1998 году, ни в 1996 году, ни в 2008 году. Реально располагаемые доходы падают 23 месяца, как и розничный товарооборот. При этом, если мы посмотрим на падение доходов за последние 2 года, то оно превышает 17-20%. Если мы учтем, что у нас 75% россиян – это бедные и нищие, то у них падение более, чем на 30-40%. Поэтому, когда Павел Николаевич говорил, что «Кому же мы будем продавать, для кого мы будем производить?», а это ключевое ограничение по всем социологическим опросам и замерам. У нас невозможно брать продукцию, особенно в регионах. Например, Омске, в Чите, в Иркутске, где-нибудь в Калуге, ну, просто, на самом деле, нужно понять, что люди живут на 18-20 тыс. руб.

Спасибо большое.

Константин Бабкин: Спасибо вам. Прохоров Александр Игоревич, партнер Российской инженерной академии. 3 минуты.

Александр Прохоров: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я так понимаю, что нас пригласили для того, чтобы мы озвучили свои предложения, которые мы вам выдавали по стратегии. Налоговые предложения уже в основном были озвучены всеми остальными участниками, поэтому я сконцентрируюсь только на поддержке инновационного сектора, и внедрении тех разработок, которые были сделаны, в более-менее обозримой перспективе.

А начать мне хотелось вот с чего. У нас стратегия 2030. А при этом ни один из выступающих не отметил, а что собственно будет происходить в этом 2030 году, и как конкретно будет выглядеть экономика в этом году. То есть к чему мы стремимся прийти, где тот образ, который мы хотим прийти. Отдельно можно отметить, что, допустим, планирование НТИ (научно-технической инициативы) как раз исходит из построения образов, и потом под них пытаются найти проектов, которые могли бы помочь достичь этих образов. Возможно, здесь стоит посмотреть на комбинированный подход, поскольку здесь все-таки собрались промышленники, они точно знают, что они могут сделать. Можно посмотреть в НТИ, насколько то, что там написано, вообще реализуемо, и где-то в середине найти точки соприкосновения в рамках стратегии.

Второй момент. Хотелось бы отметить про небольшие, но эффективные проекты, которые могут быть массово внедрены для того, чтобы немного увеличить эффективность производства, в частности переработка отходов. На сегодняшний момент все об этом говорят, но в России, например, комплексной переработки отходов нет нигде. При этом все это известно, все проекты опубликованы, более того, есть целые институты, работающие в этой теме, но почему-то не движутся в данном направлении. Возможно, стоит рассмотреть

такой же механизм поддержки, как был в программе №1432 по проектам, которые не связаны непосредственно с закупкой оборудования сельхозпроизводителями, а связаны с переходом или внедрением какой-либо новой технологии в их цикл производства, который мог бы также дотироваться. Спасибо.

Константин Бабкин: Хорошо, спасибо, учтем. И спасибо вам за то, что вы уже письменно направили ваши предложения, и многие другие это сделали. Все это будем применять в работе.

Идем дальше. Галицкий Артем Григорьевич, генеральный директор компании «Навигатор – Новое машиностроение».

[02:05:44]

Артем Галицкий: Константину Анатольевичу благодарность за то, что приглашает коллег по цеху – а я в данном случае представляю сельхозмашиностроение – на обсуждение результатов своей работы. Несмотря на то, что будут какие-то замечания и предложения, естественно, скажу, что продукт полезный, в любом случае. И перво-наперво потому что, к сожалению, в последние годы, или уже многие годы, 15 лет, может, более, экономика у нас меряется такими вещами, как курс национальной валюты, уровень инфляции, безработица, что-то еще, а не миллионами добытых тонн руды, убранного зерна, количества собранных тракторов или сшитых пар сапог, что, на самом деле, является реальными вещами, которые определяют качество жизни людей. И то, что сейчас реальный сектор включился в разработку этой программы, я так понимаю, практически по собственной инициативе – это уже очень хорошо.

Теперь в целом о принципах. Господин Хазин уже сказал одну вещь, что тут немножко эклектично принципиальные вещи перемешаны с очень конкретными предложениями, и поэтому я бы считал, что некая преамбула этого документа должна содержать именно принципиальные постулаты, чтобы любой человек, взяв этот документ в руки, в течение 20-30 секунд понял, вообще ради чего все это делается.

Мои конкретные предложения, что здесь должно быть написано, например, что богатство страны – это не природные ресурсы, а количество добавленной стоимости, созданной на ее территории. И цель данной программы, данной стратегии – это больше добавленной стоимости должно быть создано на территории Российской Федерации, а это в первую очередь развитие перерабатывающего.

Теперь, если конкретные несколько предложений по разделам.

Если говорить про внешнеэкономическую политику, я бы считал, что основным принципом ее должно быть прийти к экспорту через импорт. Что я имею в виду? Наша основная задача – в первую очередь забрать собственный рынок у иностранных производителей. Как бы это ни звучало – протекционизмом, как угодно называйте, – это первый ресурс, который нужно использовать. Это то, на чем могут существующие уже предприятия начать развиваться, начать инвестировать, когда увидят возможность завтра продавать, производить больше, чем сегодня. И, к сожалению, здесь такой момент – это уже обсуждалось, – тарифы, денежно-кредитные меры или что-то еще: опыт показывает, что чтобы отечественный производитель отдал деньги отечественному производителю, должна быть некая, я бы сказал, отрицательная разница в цене, то есть не в пользу отечественного производителя. Поэтому либо тарифные барьеры, либо какая-то прямая поддержка в виде субсидий реально работает, о чем говорит постановление №1432, которое дало эффект в сельхозмашиностроении.

Кстати, еще один момент. Поддерживать точечно или нет – это тоже вопрос такой. Я уверен, что сельхозтоваропроизводители, крупные холдинг могли сказать, что, возможно, сельхозмашиностроения тоже в стране нет, пока мы не увидели, что, создав некие более-менее тепличные условия, там получился двузначный рост.

Далее о налоговой политике. Считаю, что этот раздел правильнее называть фискальной политикой, поскольку не вопрос изменения налогов или системы, а, скорее, направления расходования бюджетных средств. То есть сейчас у нас все-таки основная направленность – это оборонка и социальная защищенность населения, хотя мы говорим, что население нищает, но, тем не менее, в последние годы – это отдельный вопрос, по социальной политике, я считаю, Константин Анатольевич, надо добавить, – то есть нам нужно больше, скажем, расходов бюджета, направленных на производство, а не на потребление.

По денежно-кредитной есть одно предложение. Я считаю, что пункты 3.2, 3.3 и 3.4 немножко противоречат друг другу, и, скорее, правильнее нам развивать целевые программы типа кредитования малого и среднего бизнеса, Фонда развития промышленности и так далее.

[02:10:16]

И по агропромышленному хочу сказать следующее. Я здесь не увидел самого важного, что, я считаю, должно быть. Одна из задач агропромышленной политики – это контроль больших земельных ресурсов, которые есть у нашей страны. К сожалению, сейчас во многих регионах земля сельхозназначения используется не по назначению. Поэтому здесь должны быть какие-то другие меры.

Последнее я хотел сказать. Во-первых, по социальной политике. Пока немножко в программе все выглядит, что «Мы за все хорошее, против всего плохого», а по сути, есть некий приоритет. То ли, как это бывало классически, условно, в Великобритании, то ли приходят консерваторы, то ли лейбористы. То есть либо мы защищаем население, либо мы защищаем бизнес, то у нас рост экономики, то у нас рост налогов. Здесь вилка, и здесь нам важно принимать какое-то решение.

И в защиту либералов я бы сказал одно. Я себя отчасти считаю либералом, и либерализм – это вообще-то обратная сторона протекционизма. То есть ты защищаешь свой рынок, но хочешь, чтобы на чужом у тебя были свободные условия торговли. Это, в принципе, нормально.

Реплика: Это очень оригинальная трактовка либерализма, не имеющая никакого отношения к либерализму.

Артем Галицкий: Ну, да, я согласен, может быть, отчасти. И потом, видите, свободное предпринимательство, и тот предпринимательский ресурс, плюс классический (земля, труд и капитал) никто не отменял. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Нигматулин Булат Искандерович, генеральный директор Института проблем энергетики.

Булат Нигматулин: Я бы хотел сделать добавление, потому что стратегия... Надо в преамбуле написать это, об этом многие говорили. Тренды (в каком состоянии мы сегодня находимся), предыдущие периоды, в какой точке мы хотим получить в 2030 году, и промежуточный этап.

Я хотел на этом графике показать. Это в постоянных ценах инвестиции в свой капитал, ВВП и электропотребление. Три макроэкономических параметра.

Следующие позиции. Инвестиции в основной капитал у нас сегодня с 1978 года, в ценах 1970-го года.

ВВП, здесь уже говорил Титов, всего на 5% выше, чем в 1990 году. Электропотребление даже меньше, чем в 1990 году. Есть точная связь между темпами – это темпы – роста ВВП (черная), и темпами роста электропотребления. У нас для нашей экономики константа – на 1% роста инвестиций в капитал, 0,6% роста ВВП.

И еще одна позиция. Мы находимся, с 1990 года это наш ВВП. Англо-саксонские страны за эти 25 лет увеличились за 80%, европейские на 20-30%. Мы на 5%. Мы очень сильно отстали. И это тоже надо написать в стратегии.

Теперь демография. Было 11 смертей на 100 человек. Если бы сохранилось советское время, эти 5 млн. – это ельцинский период, а 8 млн. – сегодняшний период. То есть 13 млн. смертей, которые мы получили за эти 25 лет. Это чрезвычайный удар по нашей экономике.

И ожидаемая продолжительность жизни. С новыми странами союза 7-8 лет у нас меньше. И падение численности населения. Это говорит о том, что у нас деградация экономики.

А по чему впереди? По миллиардерам. Если считать количество миллиардеров на объем ВВП, то есть на 100 млрд. долларов ВВП, то мы на первом месте. У нас примерно в 2 раза больше миллиардеров, чем в Соединенных Штатах, и в 2,5 раза больше, чем в Китае. То есть либо нам увеличить ВВП надо, чтобы подложить под этих миллиардеров, либо количество миллиардеров должно быть уменьшено. Через что? Через прогрессивную шкалу населения. Это 1% населения, даже меньше 1% населения.

[02:15:07]

Дальше. Пропорции должны быть. Чего мы следим? Пример Соединенных Штатов. В 1927 году на 1% имел доходы почти 20% – это рецессия. Бурный рост, 1% – около 8%. Сейчас опять 20%. У нас 1% сверхбогатых имеет 50% дохода основного населения. У остального нет денег. Здесь правильно говорили, что платежеспособный спрос населения – население у нас нищее и бедное. А раз оно такое нищее и бедное, оно не может покупать. А раз нет покупок, значит, нет экономического роста. Эти некие базовые позиции, в принципе, мы должны заложить в стратегию. Без этого мы не можем видеть. Ориентиры, которые должны быть. Здесь цифры, ориентиры. Мы. С Робертом Нигматулиным говорили об этих ориентирах. Это отношение бюджета, отношение дохода сверхбогатых, и отношение Фонда оплаты труда.

[02:16:09]

И, наконец, обязательно надо в стратегии сказать этапы, и к 2030 году что мы получим по благосостоянию народа, потому что все остальное – приложение. Вы сказали, Константин Анатольевич, о демографии, но это некие оцифровки. И такие же требования мы должны высказать к стратегии других наших конкурентов или оппонентов. Пожалуйста, от благосостояния народа. Что мы получим к 2030 году, откуда эта стратегия, к 2025 году? И, вообще говоря, мы должны попросить и спросить Президента России. В объявлениях обсуждений рассказать о доходах бюджета домашних хозяйств, как они сбиваются, изменяться и получаются. Мы обсуждаем инфляцию, массу разных вещей, которые непонятны для народа, и даже для многих профессоров непонятны. Скажите, что получит народ – 95% основного населения, которые не отходят к среднему и бедному классу. Вот

это надо сказать. Как говорил Трамп, вот президент Соединенных Штатов победил. Именно на этом пути. И это в стратегии должно проходить. И далее, когда мы будем критиковать другие стратегии, нужно сказать: «Скажите, что сегодня, что было вчера, что позавчера, а что будет завтра и что будет к 2030 году, что получит народ».

Константин Бабкин: Спасибо, Булат Искандерович. Да, во-первых, что получит народ, надо нам как-то более четко акцентировать. И добавить, может быть, какую-то главу про систему управления государством, про элементы планирования.

У меня еще две записки появилось. Я хочу по две минуты дать двум выступающим, а Владимира Андреевича попросим завершить.

Занин Валентин Петрович, потом Симчера Василий Михайлович.

Валентин Занин: Я хочу обратить внимание на чрезвычайную опасность той стратегии, которую мы обсуждаем, если не будет изменена некая направленность. Чем лучше будет работать наша индустрия, при нынешнем нашем видении происходящего все будет вывезено за рубеж, потому что наша стратегия общественная, это экспортная ориентация, экономическая у нас чудовищная поддержка экспорта, небывалая в мире. Каждый экспортер получает премию как минимум 300% на вывезенное. Поэтому наша стратегия должна быть, как сказал Нигматуллин. В этой стратегии должна быть квинтэссенция – это что получит наше население, и главное, чтобы нас осталось не как говорится в данных ООН 120 млн., в том числе коренного населения почти что никого, а чтобы нас было этих 170. Но для этого нужно изменить эту парадигму на вывоз всего хорошего, для этого имеется инструмент – баланс интересов России по товарным ценностям. А именно импорт должен перекрывать экспорт по товарной ценности, и для этого есть инструмент рабочий без всякого администрирования – возвращение к нормальному понятию паритета покупательной способности, когда рынок балансирует взаимные товарообороты. А если, как сегодня, будет сохраняться 200 млрд. превышение экспорта над импортом, нас с вами не останется в живых здесь ни одного русского человека. Спасибо. Поэтому стратегию можно дополнить, как говорится, головной головой – целью, направленной на человека и на наше сохранение. Спасибо.

Хорошо, спасибо. Василий Михайлович Симчера.

[02:20:37]

Василий Симчера: Для какой экономики разработана стратегия? Стратегия для развития иностранной экономики на территории России, доля которой в России все 70%? Стратегия развития отечественной экономики? Или стратегия смешанной экономики? Это бы надо

разделить. И таким образом по признаку собственности изложить те вопросы, которые в стратегии представлены.

У нас инфляция формально 5,8% в этом году ожидается, а реальная больше, чем 15%, и так каждый год. За 16 лет у нас инфляция составила не 6 раз, как это официально считается, а 12 раз. И, следовательно, никакого экономического роста в стране не было, а если и был, как оценивает мой друг Руслан Семенович, то он не выходил за пределы 1%. А мы опираемся в стратегии на официальные оценки, и тем самым ошибаемся. Нам надо перейти в стратегии на те реальные оценки, которые характерны для развития экономики России.

Приоритет. Можно 63 таблицы представить в стратегии, а можно 163, или 1633. И здесь в каждом конкретном случае не будет ответа на вопрос «Что достаточно?». Поэтому то, что представлено в стратегии, работало бы, если бы оно было представлено в категориях многофакторной модели, и приоритеты определялись не по вкусам и по близости к начальству, как теперь, а определялись на основе факторных оценок, где каждый фактор имеет свою значимость. Что индустриализация – это бóльший приоритет, чем, скажем, развитие охраны здоровья в стране и развитие социальной сферы, или наоборот. Это можно понять, если мы такую производственную функцию построим, и уложим все 63 таблицы, эти 63 приоритета, которые выставлены в докладе, в схему, и будем действовать по принципу, что более важный приоритет должен реализовываться в первую очередь. И так по всей последовательности.

Последнее – среда. У нас 70% импорта и 60% экспорта – фиктивный экспорт и импорт. Если вы возьмёте статистику ВТО, то у нас экспорт сегодня составляет не 340 млрд., а по данным ВТО 740 млрд. Это то, что реально существует и оценивается. Здесь сидит профессор Цветков, он занимался этими вопросами.

Константин Бабкин: Василий Михайлович, это все можно вечно обсуждать. Но в целом...

Василий Симчера: Последнее. Если мы можем рассчитывать на успехи, хотим рассчитывать на успех, так это если мы нашу стратегию ухитримся представить на Нобелевскую премию. Возможно, там мы что-то и получим. Спасибо.

Константин Бабкин: Это заманчиво. Надо стараться. Гамза Владимир Андреевич, председатель Комитета ТПП по финансовым рынкам и кредитным организациям.

Владимир Гамза: Спасибо, Константин Анатольевич. Добрый день, уважаемые коллеги. Я не буду повторять то, что уже здесь сегодня сказано. Сказано много замечательного относительно стратегий, и, конечно, сделаны определенные предложения по ее

улучшению. Я бы, может быть, остановился на более организационных вопросах, связанных больше с реализацией, наверное, и доработкой стратегии.

Первое, что удивительно. Я, на самом деле, первый раз присутствую на собрании, когда наметился реальный консенсус реальных экономистов и ученых макроэкономистов. Это, видимо, потому, что разработкой стратегии занялся человек, который прекрасно понимает, с одной стороны, реальные проблемы в реальной экономике, а, с другой стороны, в рамках работы МЭФ достаточно хорошо понимает и макроэкономические проблемы. Поэтому сегодня произошло удивительное событие, когда, в общем-то, наметился четкий консенсус понимания.

[02:26:00]

Второе. Я думаю, что надо определить более, наверное, четко предмет этой стратегии. Совершенно очевидно, что мы не будем готовить полную стратегию социально-экономического развития страны, а, видимо, будет стратегия экономического развития страны с элементами, естественно, и социальной политики на основе новой индустриализации. Поэтому предмет – наверное, все-таки определиться до конца, очертить и двигаться, потому что предложение сегодня включить и то, и это, и пятое-десятое. Если мы это сделаем, то мы никогда стратегию не напишем, мы будем писать годами. Поэтому надо все-таки окончательно определиться с предметом, и начать уже реальную работу по реальной подготовке реальной стратегии.

Реплика: Почему начать? Надо заканчивать.

Владимир Гамза: И заканчивать тоже, да, в течение разумного времени.

Что бы хотелось, мне кажется, обязательно добавить в эту стратегию? Это, во-первых, более четко показать нынешнее состояние России по широкому спектру. Здесь я с Владиславом согласен, что надо взять более широкий спектр показателей относительно стран G20. Не только брать ВВП, промышленное производство, но чтобы было четкое понимание, где мы все-таки находимся. Необходимо четче сформулировать предмет новой индустриализации с точки зрения именно достижения не только экономических, но и социальных аспектов развития до 2030 года. Здесь абсолютно, я думаю, что все согласятся, что эти социальные аспекты обязательно нужно будет учитывать. Мне кажется, что вопрос антимонопольной политики также должен быть обязательно затронут, потому что наша экономика имеет две фундаментальных проблемы. С одной стороны, это очень высокий уровень монополизма, прежде всего государственного монополизма, который еще, ко

всему, и растет. С другой стороны, многие частные компании стараются воспользоваться этим монополизмом.

Мне кажется, структурно необходимо подготовить доклад, который бы обосновывал те позиции, которые сегодня Константин Анатольевич представил нам. Плюс, просто неотъемлемой частью этого доклада должны быть две дорожные карты. Обязательно нужно разделить текущие задачи и стратегические задачи. Сегодня они в целом изложены в презентации. Их нужно разделить и сделать две дорожные карты: дорожную карту на 3-5 лет и дорожную карту лет на 10-15. При этом, естественно, те меры и инструменты, которые мы будем предлагать, их надо обязательно ранжировать по актуальности и важности. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Владимир Андреевич, за ваше выступление и за ту совместную работу, которую мы вели над этим документом.

Уважаемые коллеги, все записавшиеся выступят. Два выступления с места хочу дать. Шешеро Ирина, Национальная инвестиционная ассоциация

[02:30:08]

Ирина Шешеро: Добрый день. От лица банкиров и инвесторов три предложения. Первое – по поводу снижения учетной ставки. Ее огульное снижение без учета других факторов может привести к выбросу валютных денег, и спекулянты могут этим воспользоваться. Мне кажется, снижение учетной ставки должно быть вместе с другими мерами.

Второе – по поводу инвесторов. Я сама инвестор. Первое, что нужно инвесторам – это защита инвестиций, гарантии, потому что огромное количество примеров, когда проинвестированные сделки уходят потом в другие руки.

И третье. Поскольку инвестиции очень часто требуют банковского леввериджа, то есть когда мы входим в сделку, нам нужно банковское плечо. По целому ряду моментов это сделать невозможно. Опять-таки, дело не в снижении учетной ставки, а в том, что – я как банкир говорю – выстроена целая система банковских ковенант, и нужно менять целую систему резервирования банков. Поэтому я предлагаю к великолепной работе, которую осуществляет Константин Анатольевич, привлечь банковское и инвестиционное сообщество.

Константин Бабкин: Хорошо. Спасибо большое за предложение. Будем привлекать.

Еще одно выступление. От науки.

Юрий Захарченко: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Захарченко Юрий Александрович, исполнительный директор Российского координационного комитета общественных профсоюзных организаций российской науки. Мне кажется, что важнейшее упущение в этой стратегии – это отсутствие разговора о ресурсах этого развития. По сути дела, мы говорим о важных вещах, но не говорим, насчет чего эти важные вещи будут достигнуты. И ясное дело, что, если мы говорим о стратегии, не может идти речь в смысле ресурсов об исчерпаемых ресурсах. Они же исчерпаемые. Какая стратегия? А неисчерпаемые ресурсы, можно сказать, что наиболее перспективные из них – это люди. Но люди не в смысле биомассы, а люди в смысле высокоразвитые люди. Что такое высокоразвитые люди? Люди, которые производят высокие технологии, в смысле наукоемкие технологии. А про науку слов не сказано. Это плохо. Спасибо.

Константин Бабкин: Хорошо. Спасибо большое за интересное событие, мероприятие. Я услышал очень много интересных мыслей, дополнений. Особенно спасибо за поддержку. Будем двигаться дальше, чтобы это все реализовалось, чтобы наконец начался у нас бурный экономический рост. Спасибо вам.

[02:36:27] [Конец записи.]